АРКАДИЙ ЛАПИДУС

ДЫРКА ОТ БУБЛИКА 3

Аркадий Лапидус

Дырка от бублика 3. Байки о вкусной и здоровой жизни

«Э.РА»

2013

Лапидус А.

Дырка от бублика 3. Байки о вкусной и здоровой жизни /
А. Лапидус — «Э.РА», 2013

ISBN 978-965-92051-3-4

Всё из дырки и всё в дырку, которая и Бог и наш результат, если бублик жизни бессмысленно и бездарно съеден!

ISBN 978-965-92051-3-4

© Лапидус А., 2013
© Э.РА, 2013

Содержание

Цикл третий 6
Послесловие-предисловие 8
Что произошло в предыдущих циклах 10
Пролог 11
Повторение характеристик основных героев 13
Убери из жизни яд – жизнь теряет аромат! 18
Штиль 29
Шеф 37
Крик 42
Метаморфозы 46
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Аркадий Лапидус
Дырка от бублика
3
Байки о вкусной и здоровой жизни

© Лапидус А., 2013

Все права сохраняются за автором и Господом Богом рядом с Танахом, Новым Заветом, Кораном, Буддистской философией, Каббалой, Язычеством и неагрессивным и весёлым ГЕРОИЧЕСКИМ АТЕИЗМОМ!

Цикл третий
Лекарство от дури
Не детский лепет или Паранойя

Всё из дырки и всё в дырку, которая и Бог и наш результат, если бублик жизни бессмысленно и бездарно съеден!

Неугомонный Эскулап – Наум Аркадьевич

Светлый образ одного из персонажей и главного героя книги жизни автора

Послесловие-предисловие

Жизненный прогресс бушевал вовсю. Я уже точно знал, что я – Бог, а Бог, что он – это я. И хотя третий, опять только посмеивался, но продолжал «косить» под моего двойника из параллельной действительности.

– Что значит «косить»? – опять врезался в мои мысли двойник. – Я – это ты, а ты – это я.

– И вы – это трижды я, – подчеркнул Бог.

– Почему трижды, когда дважды? – упрямо не согласился я.

– Потому что дважды – вы это я, и одиножды – я отдельно. Один плюс два – три!

Мда-а… Действительно, весёлая компашечка… А, главное, очень устойчивая…

Сегодняшняя наука не исключает существование Создателя. Впрочем и в атеистическом вчера некоторые научные гении, обнаруживая какую-нибудь ошеломляющую закономерность, втихаря крестились или восхищённо непроизвольно выкрикивали «Барух а Шем!» или «Аллах Акбар!». А такие ненаучные товарищи вроде меня, которые не всегда могут до конца и безапелляционно объяснить «Почему? Отчего? Откуда? Зачем? Для чего?» и так далее, но чувствуют, что то, что видят и о чём говорят – правильно, верно, благоприятно, вкусно и перспективно, всегда с уважением относились к природным шедеврам и их проявлениям.

– Опять бросил! – воскликнул Бог и, выпрыгнув из меня уже не в виде старца или крепенького мужичка, а в виде юного безусого и очень знакомого хлопчика, подбежал к очередному прохожему.

Выдернув из-под его ног окурок, он, молча, отнёс его в близстоящую урну.

– Бестолку! – сказал двойник и неторопливо тоже полез из меня.

Отодвинув огалу (тележку с пахом (ведром) для мусора), он развалился на скамейке рядом со мной. Всё опять повторялось, но уже не так точно как в предыдущие разы. Но я, как и раньше, не шелохнулся.

– Бедный Булгаков! – изрёк Бог, располагаясь тут же.

– Да слышали, слышали! – лениво протянул двойник. – И то, что мы – Булгаковы, и то, что нашего дьявола твоими функциями мы пытались наделить и получилось не «За жизнь!», а «За смерть!», и то, что из-за таких как мы до сих пор почти все молятся «За жизнь!», а голосуют «За смерть!». Фантазиям твоим нет границ! Ты бы ещё нас Достоевскими или Львами Толстыми окрестил!

– Никого я ни в кого не крестил! Законы сами по себе, а я сам по себе! Ну, чего расселся? – толкнул Бог локтём двойника. – Пах полный!

– Ты свистни – тебя не заставлю я ждать. Приду я дерьмо от тебя убирать! – как и раньше слово в слово, вяло огрызнулся двойник.

Он вытащил из паха очередной сокит (пластиковый мешок) с мусором, лениво завязал его и понёс к контейнеру. Я потянулся и уставился в голубейшее небо. Работа в Израиле продолжала быть для меня сплошным удовольствием. И это не потому, что практически всю её выполняли собранные воедино после написания моих ретрансляций, а теперь опять расщеплённые мои «Я». Физически уставал я к концу рабочего дня точно так же, как и раньше, но морально…

Ах, как мне было хорошо! Действительно, никто не следил за каждым моим шагом, не выскакивал неожиданно из-за угла, чтобы уличить в безделии и нерадивости, не подгонял и не унижал.

Чудо, – но мне доверяли!!!

– Какие у вас противные самодовольные рожи! – сказал Бог, когда двойник вернулся. Что толку от скрижалей, если жизнь всё так же не улучшается!

– Как это не улучшается? Мы-то – улучшаемся! – возмутился я.

– Вот именно! Сам пью, сам гуляю, сам стелю и сам лягаю! Кайф! – как и раньше ухмыльнулся двойник.

– Идиоты! – теперь уже печально пробурчал Бог и побежал к следующему прохожему…

Что произошло в предыдущих циклах

Всё так же то ли во сне, то ли наяву я продолжал встречаться со своим двойником, и уже оба мы с удивительным Богом, то в виде дырки от бублика, а то и в виде двуполой обезьяны. Бог и переносил нас через чтение универсальной молитвы «Отче наш» в последнюю стадию «развитого» социалистического прошлого.

Там мы, непостижимым образом растворённые в героях, уже не на бумаге, а в реальности переживали ещё раз ряд экстремальных удовольствий.

Пролог

Каменистая тропинка, похожая на русло ручья, завернула направо, налево и… сердце моё бешено забилось. В надвигающихся сумерках и тишине дворец из тёмно-красного мрамора (или гранита) выглядел мрачновато, но это был мой родной дом. Уже не раз, засыпая, я заказывал повтор этого сладостного сна, но лишь сегодня он снова осуществился.

Взбежав по отшлифованным до зеркального блеска ступенькам, я толкнул дверь и… оказался на громадном астероиде (или маленькой планете). На чёрном бархате космоса чистыми и яркими алмазами неподвижно сверкали знакомые с детства родные созвездия, а три особенно крупных бриллианта светили, как три солнца. И хотя вокруг были лишь скалы да камни, но мне было необыкновенно уютно и хорошо.

Родина! Это тоже была моя Родина!

Я подпрыгнул от радости и… очутился даже не знаю где… Не было ничего! Ни верха, ни низа, ни правой стороны, ни левой, ни задней, ни передней, ни времени, ни пространства. Но была… Мысль! И этой Мыслью был я, и неисчислимое количество других «я», которые тоже были – я. И я общался со своими «я», которые были совершенно не похожими друг на друга. И не надо было никого выделять. Я одновременно общался со всеми, а вернее, был настолько их частью, а они моей, что и общаться в обычном смысле не надо было. Общение было непрерывным и совершенно неутомительным. Похоже было, что это была Родина из Родин. Супер-Родина! Абсолютная гармония и завершённость!

– В Начале было Слово (оно же – Мысль), и Слово было у Бога… – блаженно начали хором мои «я», но были прерваны.

– Это было потом! А в Начале было ЧУВСТВО, которое было – ЛЮБОВЬ, которая была – БОГ, который был – ЖИЗНЬ! – перебил нас всё тот же сверхродной голос, и все «я» воплотились в точку, которая поделилась на две, потом на четыре, потом на шестнадцать, потом ещё и ещё…

И образовалась новая вселенная!

И я проснулся!

В окно израильской халупы, которую можно назвать только с сильно пьяных глаз виллой, а с трезвых – непременно сараем, опять светила круглая и нахальная, как дурак, луна. Справа всхлипывала во сне некрасивая от хронического переутомления и недосыпа жена, слева посапывала и вздрагивала счастливая в своей животной свободе и потому беременная Бог знает от кого собачка Чуча-Божий Подарок, а за стеной свистела и хрюкала вечно живая и неистребимая тёща.

Натыкаясь на стулья и косяки дверей, я дошёл до туалета, а после него завернул на кухню и…

– А где же?..

– Здесь я, здесь! – послышался со двора измученный и истерически надрывный голос двойника. – «Спи, Младенец мой прекрасный, баюшки-баю. Тихо смотрит месяц ясный в колыбель твою. Стану сказывать я сказки, песенку спою; ты ж дремли, закрывши глазки, баюшки-баю!».

– А-а!.. – раздался дикий рёв, и входная дверь заскрипела.

В руках двойника дёргался и вопил очень характерный свёрток.

– Опять обделалась, зараза! – выругался двойник и, положив свёрток прямо на стол, засыпанный исписанными листками, начал его разворачивать.

Это была девочка.

– Где ты её откопал? – спросил я, когда процесс подмывания и смены пелёнок из разорванной мною старой простыни закончился.

– Я? Это «дырка» подкинула. Это одна из наших реинкарнаций. Это – мы!

Девчушка как будто бы поняла, что речь идёт о ней. Она весело задрыгала ножками и ручками и, улыбаясь, загукала…

– Развеселилась, засранка! За каких-то полчаса уже третий раз гадит.

– Может быть, перекорм?

– Какой перекорм? Чем я её мог кормить? Грудью? Я думаю, это оттого, что «дырка» в неё вдырнилась, и опять пытается что-то отрегулировать. Она сначала её материализовала, а потом, как всегда, запричитала и нырнула…

– Для вашего же блага! – голосом наших отцов сказала девчушка.

– Вот видишь! С ума сойти можно! Тысяча и одна ночь! Спиритический сеанс!

– А что, вполне симпатичная Шехерезадка вырастет.

– Да ты что? Она же периодически слепоглухонемая! Саму себя иногда не слышит, а не то что нас. Вот – смотри!

Двойник подбежал к столу и, зычно рыкнув, помахал перед лицом девчушки рукой.

Реакции не было…

– Имя-то у неё есть? «Дырка» что-нибудь говорила?

– А как же! Зовут её не более не менее как Цивилизация!

– Отче наш… – прошептал я ошарашено и тут же вместе с двойником оказался в следующем цикле сюжета нашего бессмертного произведения.

Повторение характеристик основных героев в цитатах из первого цикла и их проблем, не разрешившихся и во втором

АПОЛЛОН:

«Молодой человек не был грузином, хотя и обладал фуражкой-аэродромом с необъятными полями и смешным отверстием для головы. Не был он и одним из сыновей или внуков Остапа-Сулеймана-Берта-Мария Бендер-бея Задунайского. Впрочем, кто его знает… Несколько избыточная космополитичная улыбка молодого человека на столь же космополитичном по своей географии лице была той визитной карточкой, которая любому представителю как большой, так и малой нации и народности заявляла о своей лояльности и родстве. Словом, в крови владельца фуражки-аэродрома бурлил и искрился коктейль из исторически выдержанных и характерных кровей…

– Всё своё лучшее несу с собой! – любил повторять он, видимо, не без оснований скрывая местонахождение всего своего не лучшего».

«…Аполлон пел, прекрасно танцевал, играл на множестве музыкальных инструментов, свободно рифмовал кожу с рожей и ударом ребра ладони раскалывал обожжённый кирпич».

Как говорится – герой во всех отношениях, но…

«…Хотя на его лице не меркла лёгкая, как солнечный блик, улыбка, на душе было пасмурно.

– У каждого человека горе – смерть близких! – без конца повторял он в последнее время, что было связано с преждевременной кончиной его горячо любимой матушки…»

И это бы ещё ничего, если бы не навязчивая мысль, что маму он похоронил заживо.

– «Моя мама не вписывалась в социально удобную женщину, но она была для меня и папой, и мамой, и бабушкой, и дедушкой… Я всем обязан ей… Всем! А она растаяла, как свечка… На глазах… Саркома, граждане! Злокачественное новообразование! И метастазы! Метастазы, чёрт бы их подрал! Она была тёплая, когда я её хоронил! Почему? Она не умерла! Она занималась йогой! Она умела отключаться… Это была каталепсия! Да-да – она не умерла! Я похоронил её живую!..»

Мучительное чувство роковой вины и безысходное желание покаяться привело Аполлона в Алма-Ату, где, по весьма сомнительной информации, было место прямого контакта с загробным миром. И немудрено, что от таких «идей фикс» у героя возникали иногда приступы сильнейших сердцебиений, сопровождаемые смертельными страхами, которые чудесным образом снимал его друг и коллега Федя наложением руки.

ФЕДЯ:

«…Дверь кабинета отворилась, и в помещение, не обращая никакого внимания на присутствующих, проник бледный худой юноша в помятой рубашке и таких же брюках без стрелок. Всклокоченная причёска и подозрительно горящие глаза завершали картину первого впечатления, свидетельствуя о том, что в данной голове не всё в должном порядке. Юноша подошёл к столу и бесцеремонно начал копаться в бумагах.

– Опять рукопись потерял? – доктор зазвенел ключами, открывая сейф.

– Опять, опять…

– На! И не бросай где попало!

Доктор вынул из сейфа папку и протянул её юноше.

– Кстати, познакомься – наш новый директор!

– Ещё один… – вздохнул юноша и протянул ладонь. – Гений! Я – гений!

– Я тоже, – улыбнулся Аполлон.

– Иронизируете? А жаль. Улыбка у вас хорошая, – сказал юноша и неожиданно тоже улыбнулся.

– У вас тоже, – ответил Аполлон и не соврал: улыбка бледного юноши была светлая.

Звали его Федей, и он занимал должность художественного руководителя Дома культуры».

«…Федя был смелым человеком! Он писал и говорил правду! Естественно, что его никогда и нигде не печатали и всерьёз не воспринимали. Это совсем не значит, что те, кого печатали, лгали. Просто их правда особенно глаз не колола и, обходя рифы социальных закономерностей, шибко не тревожила. Даже профессиональные сатирики не решались поднять глаза вверх, против течения – к истокам, и смотрели лишь вниз – по течению, указывая на уже образовавшиеся заторы, а не на те места, откуда несло мусор. Естественным следствием этого было то, что не успевали благодарные труженики ликвидировать один затор, как тут же образовывался новый, и, зачастую, в совершенно непредвиденном месте.

Сизифов труд народа благ стране не прибавлял, и некоторые литературные угодники чувствовали от этого дискомфорт. Неудобно становилось таскать на себе скафандр позорных связей и унизительного попрошайничества. На какие-то мгновения разум отключался, и чего только не звучало… К счастью, это случалось нечасто и в основном в кругу семьи. Да и то с оглядкой на жену, которая вполне могла оказаться стукачкой (среди богемы ходили чёрные истории о спрятанных в холодильниках магнитофонах и вызовах на собеседование в КГБ).

Федя же всегда плыл и смотрел против течения (то есть – вверх!) и не понимал – почему выше министров ошибающиеся или бездарные смертные прижизненной гласной критике не подлежат».

Понятно, что этот герой страдал от отсутствия своей литературной реализации, а поддерживал его и всячески поощрял до появления Аполлона лишь Наум Аркадьевич.

НАУМ АРКАДЬЕВИЧ:

«Наум Аркадьевич был личностью незаурядной. В разговоре с собеседником, внушающим доверие, он представлялся не иначе как беспартийной сволочью, видимо, не исключая того, что попадаются ещё и партийные. Конечно же, сволочью Наум Аркадьевич не был, а был по характеру и жизненной позиции Дон-Кихотом, а по профессии врачом. Больные уважали его за то, что он делал их здоровыми, а здоровые – за то, что он не делал их больными.

Надо сказать, что живых Дон-Кихотов не любили, не любят и, видимо, никогда не будут любить власть имущие, благополучные и бескрылые. Как смеялись они над ними, так и продолжают смеяться, а если смех не помогает, то их просто выдёргивают, как вылезший гвоздь из каблука, и

швыряют в придорожную жизненную грязь, предоставив полную свободу для окисления. Поэтому биография Дон-Кихота-доктора, так же как и биография его литературного коллеги Ламанчского, была сложна, необычайна, полна мытарств и треволнений, падений и подъёмов.

Однако в данном случае результат не был трагичен. По крайней мере, пока… Доктор закалился, обрёл бойцовские качества, умел постоять за себя и, главное, научился побеждать. Перед самой пенсией он осуществил вечную мечту странников поневоле: купил крохотный саманный домишко с садиком, построил огромную беседку, повесил в ней гамак и бросил свой трудовой якорь в медпункте авторемонтного завода, а в настоящем – объединения. Вот уже более пятнадцати лет он крепко держал здоровье заводчан в своих опытных добрых тёплых ладонях, и, когда считал нужным, группировал их в кулаки и бил по бюрократическим столам, без спросу повышая голос и совершенно не взирая на лица. В результате этого досрочно были построены профилакторий и роскошный физиотерапевтический комплекс с лучшим отечественным и неотечественным оборудованием и заметно уменьшился поток больничных листов. Вся администрация объединения, включая инженерно-технический персонал и самого генерального директора, лечилась только у Наума Аркадьевича и, называя его профессором своего жизнеобеспечения, берегла доктора пуще глаза, терпя все его причуды».

И всё бы ничего, если бы Наум Аркадьевич не мучился от непроходящего жгучего желания вылечить не только всех больных, но и общество в целом. Его друг – Абрам Моисеевич – тоже горел этим огнём, но, в отличие от доктора, не верил в эволюцию извращённого социализма.

АБРАМ МОИСЕЕВИЧ:

«…Очень сильно подозревая, что слово „еврей“ произошло от слова „европа“, Абрам Моисеевич собирался уезжать в Израиль, а оттуда в Швейцарию.

– Я знаю, что я делаю и на что иду! – жарко заявлял он своим знакомым, отговаривающим его от такого сомнительного шага, и задавал такие вопросы, честно отвечать на которые было или чрезвычайно трудно, или небезопасно.

В своё время Абрам Моисеевич экстерном сдал полную колоду экзаменов физико-математического, исторического и филологического факультетов. Универсальное гуманитарно-аналитическое образование постоянно им самим совершенствовалось и расширялось. Благодаря этому он, не считая своего родного еврейского и русского языков, в совершенстве владел английским, немецким, французским, испанским, итальянским, а также был ярым поборником и пропагандистом эсперанто. Кроме того, Абрам Моисеевич с детства безумно увлекался всеми семью музами, и, как и в любой интересующей его области, здесь тоже достиг вполне приличных высот и разве что только не танцевал балетно. Он писал и переводил стихи и небольшие новеллы, рисовал маслом в стиле мастеров Возрождения и имел обширнейшую фонотеку классической и современной музыки, а также литературных и драматических записей.

Так вот, питая естественную симпатию к незаурядным способностям Абрама Моисеевича, горячее всех отговаривал его от отъезда в Израиль, а оттуда в Швейцарию Наум Аркадьевич. Он уверял, что за счастье нужно

бороться там, где ты живёшь, а не думать, что где-то оно в готовом виде изнемогает от ожидания своего избранника.

– Брось, Нюма, детсадовскую ерунду пороть – ты же неглупый человек! – обычно отвечал на это Абрам Моисеевич. – У каждого счастье своё. Одному нужно нажраться, другому накомандоваться, третьему с бабами наспаться, четвёртому скорее на пенсию податься, и так далее и тому подобное… Я же не хочу и не могу жить в стране, где слово „еврей“ произносится как ругательство.

– Где? Где произносится? – отчаянно кричал Наум Аркадьевич.

– Везде!

– Кто? Кто произносит?

– Все! Даже сами евреи вынуждены!

Что мог ответить на это Наум Аркадьевич, если он сам почти всегда, отвечая на вопрос „Кто вы по национальности?“, автоматически настораживался и каменел.

Ловя растерянность оппонента, Абрам Моисеевич распалялся ещё больше:

– Вот ты говоришь – бороться! Во-первых, как бороться, а во-вторых, с кем?

– Со всем! Талантом и добротой! – отвечал обычно доктор и оживлялся. – Самый естественный, надёжный и перспективный способ!

– Талантом! – взвивался Абрам Моисеевич. – Пусть я нескромный человек, но этим Бог меня не обидел. И что я вижу? Зависть! Чёрную зависть! „Вот, еврей, сволочь, шпарит!“ – говорят. Это о языках. Или: „Вот, жид, гад, пишет!“. Это о стихах. Или… Да что там говорить! Талантливым в этой стране делать нечего! А насчёт доброты, так тут чем ты добрее, тем, значит, трусливее. И даже если еврей герой, то всё равно трус. И тут хоть головой об стенку бейся! Да что там говорить!.. И почему это я вместо того, чтобы нормально жить, должен всю жизнь доказывать, что я добрый и талантливый и имею не меньше прав на недостатки и ошибки, чем кто-либо другой?

Абрам Моисеевич знал, что говорил, – недостатки были! И главный из них – это десять лет молодости и зрелости, проведённые на сталинских лесоповалах от звонка до звонка. Ослабленные авитаминозом, недоеданием, антисанитарией и каторжным трудом, люди умирали там от малейшей царапины, и он выжил только благодаря тому, что пристроился к медпункту. А осуждён был за то, что во время фашистской оккупации сотрудничал во вражеских газетах, втолковывающих неразумным славянам и неславянам про единый и такой же всегда и для всех правильный, как и псевдокоммунистический, национал-социалистический порядок.

…Выйдя на свободу, „враг народа“ узнал, что уже три года как реабилитирован. Нашлись документы, объясняющие его окололитературные вояжи по немецким тылам. И хотя даже награда нашла „предателя и подонка“, и он получил какой-то изрядно запоздавший орден или даже „Звезду“ за свои давнишние подвиги разведчика и выслушал скучно-равнодушные извинения от роботовидного бюрократа-полковника с необъятным брюхом, но вопросы без ответов оставались, и это ещё более укрепляло его эмиграционную решительность.

Спор всегда заканчивался одним и тем же – Абрам Моисеевич громко кричал, что всё равно уедет в Израиль, а оттуда в Швейцарию, а Наум Аркадьевич так же громко и упрямо отвечал ему:

– Ну и дурак!..»

Убери из жизни яд – жизнь теряет аромат!

Утро было…

Ох, ничего не могу поделать – опять свежо и очаровательно!

Машин на трассе «Алма-Ата – Капчагай» попадалось мало и это ещё более украшало предстоящий пикник у воды.

– Омерзительная штука – это наше биологическое существование, – философствовал Аполлон, крутя баранку. – Все эти химические реакции с выделением всяческих газов и слизей – такая гадость!.. А размножение? Это же супернесовершенство и морока! Хорошо бы питаться космической энергией и поменьше бы грязи…

– Смотри-ка ты, какой брезгливый! – довольно отозвался Федя, блаженно развалившийся на заднем сидении.

– Да! Представь себе! Вообще мне давно уже кажется, что я и не человек вовсе. Только попытаюсь во что-то вмешаться, так как будто кто-то стенку ставит. Мол, не твоё это дело! Твоё дело – наблюдать! Нет, точно! Я внедрённый в человеческую оболочку какой-то телевизионный глаз. Деталь! Понимаешь? Фиговинка механическая. С самого рождения я гляжу на этот мир и не понимаю его. Вокруг смеются над этим, плачут над тем, дерутся из-за того или иного, а я не понимаю – с чего это они?

– Бывает… Такое и у меня случается… Надо же! Вот здорово-то!

– Что здорово?

– Ну, если предположить, что мы с тобой космические исследователи, которых впихнули в земные эмбрионы, а может, и пораньше, то это же здорово! Значит, ещё поживём! В своей среде! Как задание выполним, так и ту-ту-у к себе на Родину! И все там будем!

– Ещё чего! Ты же сам писал, что только те, кто реализовал свой шанс. Кто не реализовал – обратно в этот кошмар.

– Ну почему кошмар? Довольно весёленькие ситуации!

– Да брось ты! В этих убогих ритуалах, да играх логики на грош… а перспективы приближения к истине – ноль. Интересы дешёвые… неперспективные… Удовольствия сиюсекундные… примитивные… однообразные… И разрушительные почти все! И знаешь, что мне напоминает вся эта цивилизация?

– Ну?

– Водопроводный кран с сорванной резьбой! Только-только закручивается вентиль и что надо течёт куда надо и наполняет что надо, как – раз! И опять всё сначала. Опять утечка…

Ревя мотором, самоделку обогнал импортный автомобиль, похожий на джип с открытым верхом. Двое парней стояли в нём и, громко и визгливо хохоча, загаживали окружающую местность пустыми бутылками.

– Во! Видел? Состоятельные сопляки, как всегда, развлекаются, как идиоты.

Федя не ответил. Слишком часто в последнее время джип попадался на глаза. Временами даже казалось, что в Алма-Ату впустили целое стадо подобных мустангов.

– Живёшь вот так и думаешь: пропади пропадом всё это человечество вместе со мной! – глядя вслед джипу, продолжал философствовать директор. – Никого не жалко! Ну, ни к чему ни детям ни внукам это отвратительное бытие!

– Если так, то конечно… – в тон другу проговорил Федя. – Но не оригинально! Некоторые вообще до полной чуши договариваются. Мол, мы родились в этой стране для того, чтобы раньше умереть! Ерунда! Страны, как и всё, что создано людьми, появляются и исчезают, а мир вечен и разнообразен. И мы, как часть его, тоже. Помнишь физику – ничто не исчезает и не создаётся вновь. Всё переходит из одного вида материи в другой. И тут уж хочешь, не хочешь, а приходится считаться с правилами той среды, куда попал. Больше протянешь, а зна-

чит, больше успеешь. Улучшишь качество! Не знаю, как тебе, а мне по душе не та лягушка, которая плюнула и потонула в кувшине, а та, что барахталась в сливках до тех пор, пока не встала на масло.

– Убедительно! Что бы я делал без тебя?

– Не прибедняйся! То же, что и до меня. Просто мы с тобой советикусы. Измученные и усталые с рождения. Почти генетически! От этого-то все и мечтают отдохнуть. С детства быть или отдыхающими, или пенсионерами. Прямо горе какое-то! От задавленности это! С детского сада! Бессмысленности в творческом самоутверждении. Поэтому все как очумелые и соревнуются во взаимном унижении. Надо же хоть как-то почувствовать себя значительным. Чуть кто-то высунется: «А-а, ты с гонором? Получай!..». Разве это жизнь? После нашего провала на заводе, я не знаю как, но что-то делать надо. Не жить же затем, чтобы только размножаться! Вот Нюма говорит, что психическая деятельность представляет собой высшую форму движения материи, а значит, и жизни. Это значит, что даже если меня не печатают и не читают, то я, пережив всё и записав, как-то влияю на ситуацию. И то, о чём мы спорим, – тоже. Всё работает, всё даёт свои плоды. Рано или поздно, но обязательно и у всех! И если что-то изменится в будущем к лучшему, то и мы приложили к этому руку.

– Жалкое утешение. Пощупать! Пощупать надо! Сегодня!

– Ну вот! А говоришь: «Я – инопланетянин!». Жил я в Крыму у одной старухи. Всю жизнь она проработала на туристических теплоходах, мотающихся в загранку. Горничной. Из её рассказов я понял, что эти горничные, кроме своих прямых обязанностей, занимались в плавании ещё и сексуальной обслугой экипажа и пассажиров. В последнее время она была старшей горничной. Это что-то вроде хозяйки плавающего борделя. Старуха – законченный мизантроп! Только ещё большая страсть к деньгам заставляла её сдавать койки. Она столько крови перепортила всем нам, а нас у неё жило постоянно человек пятнадцать, что, если бы не море, мы бы наверняка нервнобольными уехали. За каждым шагом следила. Да как ревниво и профессионально! Утюг включишь: «Я записываю показания счетчика!». Ну и всё прочее… «Побойтесь Бога!» – говорю я как-то ей. «Какого Бога? – трескуче и хрипло смеётся она. – Дай мне его пощупать!» – «Леди, – говорю я, – вы не представляете даже грамма того ужаса, который случится с вами, когда вы всё-таки встретитесь с ним. Но ещё больший ужас постигнет вас, если он позволит вам себя пощупать…»

Капчагай – искусственное водохранилище в семидесяти километрах от Алма-Аты, созданное, якобы, для того, чтобы крутить турбины электростанции и давать ток столице. Ну и, как это бывает обычно, когда с природой не считаются, электростанция получилась дохлая и нерентабельная, а природа пострадала катастрофически. Но это ниже по течению. А тут представьте себе полупустыню и пустыню, а с краю этакий вроде бы кусочек Средиземного моря. Правда, климат… А что климат? Для тех, кто не здесь живёт, а только наезжает изредка, – экзотика!

Зона отдыха правобережья была закрыта. На табличке чёрным по белому было написано:

холера!
карантин,

а внизу кроваво-красной губной помадой пририсован мужской член и инструкция к его использованию.

Из самого центра зоны бедствия доносились совсем не холерные звуки мужского хохота, хлюпанья воды и женских кокетливых повизгиваний.

– Туфта! Въезжай! – скомандовал Федя. – Это ещё с прошлого года забыли убрать. Тут у них всё время то дизентерия, то сальмонеллёз, то отстойники городские прорвёт, и всё сюда. А люди как купались, так и купаются. Хоть бы хны!..

Но Аполлон уже разворачивал машину.

– Да ты что? – закричал Федя. – До левобережной зоны ещё километров тридцать!

– Доедем…

– Может, искупнёмся в черте городка – и домой?

– Нет. С ночёвкой и только с ночёвкой. Вкусим все прелести круглосуточного отдыха на взморье. Тем более, что нынче полнолуние. Правда, насчет купания не знаю…

– Да ты что! На том берегу – аква дисцилята! Вода, как слеза!

– Ну, если только так…

Знаменитая левобережная зона отдыха была на левом берегу!

А что вы удивляетесь? В нашей стране это совсем не обязательно. Так же, как и элементарный указатель «Куда надо свернуть, чтобы куда надо приехать!». И долго бы плутали бедуины, если бы благочестивый и добрый странник не направил их на путь истинный. Им оказалась сильно нетрезвая и так же сильно развязная гурия лет сорока пяти. Не спрашивая разрешения, она влезла в машину и, резво обхватив Федю, приказала Аполлону:

– Прямо кати, чувак, и не оглядывайся!

Гений испуганно заверещал, вырвался и выскочил из машины. Аполлон рассмеялся и, убедительно побеседовав с гурией на библейскую тему «Ай-я-яй!», очень настойчиво предложил ей восстановить статус кво. Проповедь «пастора» велась на такой изысканной уголовной латыни, что гурия сразу утихла и попросила сигарету. Узнав же, что и такая мелочь ей не светит, она достаточно неэстетично выругалась и, покинув салон, двинулась в барханы.

Последовав за ней и дальше, друзья всё-таки приблизились к цели. Перед ними возник зелёный оазис ведомственных турбаз.

«Чайка», «Голубой прибой», «Буревестник» и тому подобное морское ассорти радовало глаз своими сараеподобными фанерными домиками и техническими ёмкостями, приспособленными под жилье.

– О! Нефтебаза! Прямо у пляжа! – удивился Федя и ошибся.

За оградой из колючей проволоки стройными рядами стояли гигантские серебристые цистерны, переоборудованные в коттеджи геологостроймонтажшараш – бог знает какой конторы.

– Рай Диогена! – обрадовался Аполлон и направил машину в пространство, где должны были быть ворота. – Смотри, в этих бочках кондиционеры и жалюзи!

Не успел директор поразить Федю наблюдательностью, как грозный и одновременно жалкий человечек в тюбетейке выскочил из одной цистерны и чуть было не испортил праздник. Перемешивая тюркские, очень грубые, словосочетания с очень похожим на них русским матом, он махал руками до тех пор, пока Аполлон не всунул в них две бутылки водки и большую хрустящую ассигнацию.

– Одни сутки, и чтоб кондиционер пел!

Интонация! Интонация в голосе директора была такая, что даже Феде захотелось встать и вытянуть руки по швам.

Получив ключи от цистерны для «особых гостей» в которой были вполне сносный спальный гарнитур, телевизор, холодильник, радио и телефон, и, поставив машину в цистерну, оборудованную под гараж, друзья спустились к пляжу.

Пляж… Ну, ребята, пляж в советской пустыне – это конечно… Курай, колючки, антисанитария и зной…

Солнце стремительно летело к зениту. Становилось теплее, теплее, ещё теплее, и вот уже просто невыносимо. Спасаясь от зноя и прибрежной мути, поднятой детворой и опекателями, Аполлон и Федя уплыли к буйкам.

Аполлон лег на спину, а Федя ухватился за один из буйков.

– Эх, хорошо-о! – выдохнул он в сторону гор.

– Ну да! Только убогие и нищие купаются в полдень!

– Значит мы…

– Жертвы! Все! И преступники и праведники!

– Тогда я люблю всех!

– Кстати о любви. Знаешь, за что не любят евреев?

– А как же! За жадность, трусость, сволочизм, за интеллектуальный шовинизм! – как из пушки выпалил Федя.

– Ну, этого-то у кого нет! Это конкретно от человека зависит. У Нюмы и Абрама Моисеевича ничего подобного днём с огнём не сыщешь! Кстати, эти качества в основном питает животная борьба за выживание. Борьба не нужна – и качества не нужны. Нет, не за это не любят евреев. И не за то, что они распяли Христа. Евреев не любят за то, что Христос был еврей. И этот еврей обратил внимание на одно из древнейших антишовинистических посланий инопланетян – возлюби ближнего как себя самого! А так как даже себя возлюбить не получается – мозгов и на это не хватает, то досада и злоба и принимают всякие формы расизма, юдофобии и бог знает чего ещё. Христа не любят! Христа, а не евреев и вообще всех других. И даже когда какой-нибудь очередной дутый академик докажет, что Христос не относился к семитской группе, а был какой-нибудь индеец или чукча, – ничего не изменится! Каждый день, распиная евреев, чёрных, жёлтых, красных, белых или ещё кого-то, подсознательно и с наслаждением распинают Христа! Так что – возлюби и еврея, как себя самого!

– Почему ты стал пастором Билл?

– Ну?

– Бог – это надёжная фирма!

– Всегда надёжная! Ну не на кого больше опереться! Разве что только на тебя!

Аполлон перевернулся и, как скутер, ринулся на друга.

– Ты что? Я сам на буйке сижу! – заголосил тот, но был опрокинут и повергнут в пучину…

После купания друзья не стали жариться на солнце. И когда они переступили порог цистерны-коттеджа, то ощущение было сравнимо разве что с мгновенным переходом из ада в рай. В живой земной рай, где не было невыносимой пыточной скуки от однообразия. Темнота от закрытых жалюзи, мерное жужжание кондиционера и холодильника, мягкие постели и абажурный свет настольной лампочки создавали его.

– Счастье – избавление от всякого несчастья, – потягиваясь, протянул Аполлон и бухнулся на кровать.

– Точно! Как бы позавидовали нам те – на пляже, если бы сравнили свой жуткий кайф с нашим, – тоже с кровати простонал Федя.

– И зря! Надо жить так же и лучше. А то, как бы опять в пещерах не оказаться… – зевая, закончил морализировать Аполлон. – Слева от буйков видел рощу? Мощная зелень! Патологически мощная для этой климатической зоны. После сна пойдём прогуляемся в ту сторону. Думаю, там мы встретимся с ещё большим чудом…

Действительно, вблизи роща производила гораздо более внушительное впечатление, чем издалека. Если посадки у ведомственных коттеджей были жидкие и чахлые, то тут, среди пустыни… Ну что описывать – южный берег Крыма, да и только! А в центре этого рукотворного зеленого буйства стояло то, ради чего оно и было сотворено, – государственная преогромнейшая вилла.

И тишина…

Гробовая тишина…

– Эге-гей! Есть тут кто-нибудь? – крикнул Аполлон в распахнутые настежь ворота.

Тишина…

– Ковровая дорожка! – ткнул пальцем в газон Федя.

– А-а!.. – застонал кто-то в кустах, и друзья бросились на помощь.

Но помощь не требовалась. В кустах лежала пьяная и совершенно голая молодая особа. Когда Федя попробовал приподнять так во всех отношениях падшую, та визгливо закричала:

– Не трогай, скотина! Не мешай принимать эту… к… как её?.. Воздушную ванну, мать её!..

Вырвавшись из рук гения, принимающая ванну рухнула назад, на предусмотрительно подстеленный кем-то ватник, и совершенно по-мужски захрапела.

– Навязанное добро – зло! Нельзя навязывать своего понятия о счастье! Ей – хорошо! – весело прокомментировал Аполлон и тут же предупреждающе выкрикнул: – Джип!..

В ворота, как взрыв, ворвался автомобиль. В нём кричал, хохотал и пел целый клубок из молодых человеческих тел. Одно из них выпрыгнуло, закрыло ворота и повесило огромный амбарный замок.

– Начинаются приключения! Ловушка! – прошептал Аполлон.

– Жюль Верн! – с азартом так же тихо ответил Федя.

В вечернем огненно-красном закатном освещении очень рельефно и зловеще обозначились остро отточенные железные пики на воротах и таком же капитальном трёхметровом заборе. Мало того! Чёрные иглы ржавой колючей проволоки кругами вились вокруг пик и над ними.

– Надо как-то выбираться… Пошли вдоль забора! Не может быть, чтобы не было лазейки… – вполголоса сказал Аполлон, и друзья тихонько углубились в джунгли из крапивы и кустарника.

– Р-рр!.. – раскатилось в надвигающихся сумерках, и на Федю прыгнул снежный барс.

– Мама! – больше удивленно, чем испуганно, вскрикнул гений и бухнулся на пятую точку.

Аполлон тоже инстинктивно шарахнулся в сторону, но тут же облегчённо вздохнул:

– Фу-ух! Ну и напугал! Бедняга… Какая же сволочь тебя сюда?..

Ударившись об увитые вьюнами и потому невидимые для героев прутья клетки, барс отскочил и с ненавистью уставился на пришельцев.

Тут был целый зоопарк.

В следующей клетке сидели беркуты и ещё какие-то орлоподобные птицы, в другой спал огромный волк, и только уссурийских тигров не хватало для полного хищного букета. В загоне, который тянулся дальше, стояли лошади и два верблюда, а дальше… Дальше был бассейн. Пустой. Но выложенный разноцветным кафелем.

– Отдыхаем! – озадаченно сказал Аполлон. – Похоже, что тут и комар без пропуска не вылетит… Как мы до сих пор на охрану не напоролись… Не понимаю…

– А девица?

– Ну да, фуфайка под ней была самая что ни на есть сторожевая…

Со стороны виллы раздались женские визги и лошадиный мужской гогот. Где-то что-то стукнуло, где-то что-то рухнуло, и почти нечеловеческие звуки стали приближаться. Друзья едва успели спрятаться в кустах, как к бассейну выбежали четыре голых девицы. За ними, с прутами в руках, неслись пятеро, тоже почти обнажённых, парней. Загнав красавиц на дно бассейна, парни дружно заорали:

– Гуси, гуси!

«Гусочки» рассмеялись и так же дружно ответили:

– Га-га-га!

Парни приставили прутики к низу живота и радостно проревели:

– Трах хотите-е?

– Да-да-да! – обрадовано ответили «гусочки», и началась самая что ни на есть недетская игра с таким же недетским результатом.

А так как птичек было меньше, чем птенчиков, то одну пташку подхватили двое и начали…

– Закрой рот! Трогаем в сторону корпуса! – шепнул Аполлон. – Сейчас они здесь, а ключи у них наверняка там…

Вестибюль госвиллы встретил героев магнитофонным рёвом и свинством. Видимо здесь же совершался и коллективный стриптиз, так как и мужская и женская одежда была разбросана тут же.

– Хватай все большие ключи! – крикнул Аполлон и начал выворачивать карманы первых попавшихся брюк.

Федя тут же склонился над чьими-то шортами…

Однако криминальное поведение друзей не осталось безнаказанным.

– Шарах! – и Аполлон повалился на пол.

– Шарах! – и на полу растянулся гений.

Бес с удовольствием хрюкнул и победно взмахнул над головой резиновой дубинкой. Достойный представитель одной из групп «золотой молодёжи» опять, и весьма успешно перешёл дорогу герою, а он об этом даже не подозревал.

Первым очнулся Федя. Чувствовал он себя весьма и весьма… Как мраморная скульптура молодого бога, Аполлон лежал рядом, а над ним восторженно и дико прыгал и крутился голый и полуголый хоровод.

Неожиданно магнитофон умолк.

У колонок стоял Бес.

Обнажённый по пояс, пьяный, с охапкой огромных ножей в одной руке и бельевой верёвкой в другой, он так же, как и Аполлон лишь контурами напоминал что-то человеческое.

– Шаш… лык! – икнул он.

– Ура-а! – закричали голые.

– Не-е! Из них шаш… лык будем делать! – ткнул ножами в лежащих Бес.

В вестибюле стало тихо.

– Сс… сопляки! – выругался Бес.

Бросив ножи на диван, он схватил Аполлона под мышки и, подтащив к огромной деревянной языческой скульптуре, пошёл за Федей.

– Как жрать, так все… а как вкалывать, так по кустам… Скоты!.. – озверело бормотал труженик.

Федя почувствовал… и уже снова ничего не почувствовал… Когда он опять увидел огромную люстру и всё, что под ней, то не особенно возрадовался. Привязанный к другу и к скифоподобной деревянной бабе, он не мог пошевельнуть ни рукой, ни ногой.

Глаза у Аполлона были открыты и неподвижны.

– Помер! – понял Федя.

Аполлон моргнул.

Вообще ситуация сложилась пародийная и киностандартная, по типу пустышки-боевика. Как, впрочем, и всё, произошедшее до этого. Но, видимо, так устроена жизнь, что кто бы что бы ни сочинил в реалистическом ключе, всё или есть где-нибудь, или было, или будет. Воображение творческих личностей оперирует, неважно собственным или чужим, но приобретённым опытом этого бытия и его логикой, и поэтому просто невозможно придумывать что-либо такое, чего нет или не может быть (впрочем, может быть, и не так!). Просто в жизни редко бывает всё сразу, в огромном количестве в одном месте, да ещё и за полтора часа зрительского времени. Поэтому и воспринимаем мы ситуации боевиков как что-то искусственное. Нечто подобное автор уже высказывал, но это рассуждения, а жизнь – вот она!

– Шш-ше!

– Вз-зз!..

Нож пролетел мимо.

– Водки!

Бес глотнул прямо из бутылки и примерился в деревянную скульптуру вторым ножом.

– Шш-ше!

– Вз-зз-д-зинь! – отскочил от дерева нож и рикошетом разбил что-то.

– Водки!

– Шш-ше!

– Бум!

Следующий нож воткнулся прямо над головой Феди. За Бесом раздались жидкие испуганные хлопки. Гуляки явно трезвели, и некоторые даже потянулись к одежде.

– Но-но! Ни с места! Шш-ше!..

– Вз-зз!..

– Водки!..

– Как насчет лягушки? – вполне внятно прошептал Аполлон.

– Какой лягушки? – выдавил из себя Федя.

– В сливках! Накаркал сюжет… Напрягись!

Федя неожиданно почувствовал, что верёвка сползает с него, и напрягся.

– Скомандую «три» – сбрасывай верёвку и за мной!..

– Шш-ше!

– Бум!

– Раз… два… три!

Вскочив и схватив валяющуюся тут же дубинку, Аполлон прыгнул к Бесу. Федя рванулся, упал, опять рванулся, выдернул из скульптуры огромную финку и, вычерчивая ею яростные круги и, ревя, как взбесившийся бык, ринулся на бесовское окружение. Смертельная бледность и чудовищная решительность летели впереди него – убийца!

К счастью, Аполлон уже успел прорубить улочку. Двое и случайно подвернувшаяся под руку девица уже отдыхали рядом с корчившимся на полу Бесом, изо рта которого толчками выбрасывались рвотные массы. Местонахождение же остальных можно было определить только по удаляющемуся в сторону бассейна топоту.

Друзья тоже не стали задерживаться. Пробежав мимо не одного, а уже трёх джипов и панически шарахавшихся от них юнцов, они проскочили в полуоткрытые ворота и лишь далеко за ними перешли на быстрый шаг.

– Судьба бежит по кругу! Стой! Не дрыгайся!.. – сказал Аполлон и остановился, чтобы сориентироваться на местности.

Светила полная луна.

Красота вокруг была неописуемая!

– Хищников бы ещё из клеток повыпускать, да ворота запереть, да ключи выбросить…

– Смотри! – заворожено вышепнул Федя.

Взбренькивая, как кастаньетами, огромной связкой ключей, в фантастическом танце плыла над великолепной землёй хмельная голая…

– Дух и символ замка! – хмыкнул Аполлон и поперхнулся.

– Бабах! – шарахнул прямо в спину героев ружейный выстрел, и спринт возобновился.

Теперь, почти до самых «цистерн», друзья летели и летели…

– Чего ножичком размахиваешь? Зарой в песок! – приказал Аполлон, когда они добрались до бивуака. – Собирай шмотки, а я – к машине! Будем «рвать когти»! Эти сыночки и дочки сейчас такую королевскую охоту устроят…

И тут Аполлон оказался прав. Сунув испуганному замурзанному сторожу ещё одну хрустящую ассигнацию, герой как отрезал:

– Одно неосторожное слово – и твоей светлой карьере каюк! Нас здесь не было!

– Конесь-сно! Конесь-сно!.. – неожиданно с китайским акцентом запричитал сторож. – Я мольцять как могиля! Конесь-сно! Конесь-сно!..

И долго, долго ещё кланялся хранитель псевдоёмкостей вслед самоделке. Её потушенные бортовые огни, зловеще отсвечивая в лунном свете, гипнотизировали и вселяли такой ужас, что, когда на дороге появились джипы с орущими и всё время пуляющими из трёх или четырёх стволов оскорблёнными и обиженными, он непроизвольно и тоненько… Ну, увлажнился! С кем не бывает…

– Бабах! – шарахнул очередной ружейный выстрел, и городок у моря проснулся весь…

Середина лета, ночь, прозрачнейший воздух, огромная луна, стерильная в волшебном освещении пустыня по обеим сторонам дороги, бог знает где позади, как в другом измерении, оставшийся городок с госвиллой на берегу Капчагайского моря – всё это переключало на другой ритм и, как и утром, снова настраивало на лирику и рассуждения.

Федя хлопнул себя по щеке и застонал:

– Что за пакость? Вроде не комар, а как больно! Ох, голова… О-ох!..

Аполлон приспустил стекло дверцы:

– Сейчас выдует… Всё по башке нас, всё по башке…

– Ну, и мы тоже…

– Закон лягушки. Кто не трепыхается, тот не живёт и зря рождается! Обгонять надо! Опережать! Как тебе этот летучий бордельчик?

Федя встрепенулся:

– Ой мен, Шехерезада! Трах-тиби-дох-тиби-дох! С курсами повышения квалификации для непотомственных сперматозавров и экстрасенсов! И непгименно по линии высшей пагтийной школы товагищи! Кош кельдиниздег! (Добро пожаловать!)!

– Ну, если бы в твоем варианте, то хай живе! – неожиданно положительно оценил Аполлон рекламный ролик. – Я тоже люблю поиграться на эту тему, но чтобы ножички метать в живых людей – это ни в какие ворота!.. Я когда напиваюсь, добрею до одури.

– Да при чём тут «трах»? Я это так…

– При всём при том, дорогой мой, что как ни ни крути, а «трах» – основа основ для нас – обезьяно-человеков! С него всё начинается, и из-за него всё продолжается, – говорил дедушка Фрейд. И неврастении, и дистонии, и агрессии чрезмерные, и созидания, и творчество. С каждым днём я в этом всё больше и больше убеждаюсь. Да ты-то как бывший медик должен лучше меня это знать. Гормоны, брат, гормоны! Программы! Такие же, как и воспитание, которое у джентльменов само гормонами управляет!

– Что язык заплетается? Опять сердцебиение?

– Да нет… Устал. Да и голова тоже побаливает. Да и разве я не прав?

– А чёрт его знает!

– Ой-ё-ёй, как виски ломит!.. Тут понимаешь как… По бесполому образу и подобию божьему жить почти невозможно. И никак не получается так, что получил медаль – и на всю жизнь герой. Прав Наум Аркадьевич! Всё время приходится шекспирить – быть или не быть, пить или не пить, бить или не бить. Не заповеди, как баран, талдычить, а каждый раз решать. Каждый раз определять меру. Тем более что посеешь поступок – пожнёшь привычку. Посеешь привычку – пожнёшь характер. Посеешь характер – пожнёшь судьбу. А посеешь судьбу… Уж не знаю, что пожнёшь тут, но то, что пожнёшь, – точно! И наоборот тоже… Лучше, конечно, не тратиться на ерунду, но берёт верх физиология! На раздумье много энергии уходит, так она ещё и мозги отключает. Чтобы не захиреть. Вот и хапаем! Рвёмся! Я этот хапальный рефлекс ненавижу. Хотя и без него нельзя. Исчезнем как вид… И знаешь – по его уровню сразу можно определить, насколько ты скотина, а насколько – человек. Из-за его беспредела настоящими людьми и не становимся. Только что-то наработали и – шлёп! Опять мордой в грязь. Снова шерсть полезла. Снова утечка.

Инстинкт достаточности в пользу ума убран, а мозги отключаются… Не выдерживает обезьяна! По трупам карабкается… К своему же трупу… И жрёт, жрёт! Захлёбываясь и давясь. Остановится не может… Мерзость!..

Аполлон помолчал и продолжил:

– Как ни крути, а всё-таки не хочется быть обезьяной. Всё-таки эта перспектива не фонтан. Всё-таки не в джунглях живём. Злоба сегодня – не выгодна! Вот мой дядюшка именно от этого и выигрывает. Его доброта – основа предпринимательства!

– Да брось ты!

– И нечего бросать! – вяло возразил Аполлон. – Даже если ты писатель, а не пис-сака, то у тебя может быть только одна задача – сделать мир хоть чуточку доброжелательней. А значит – богаче! Зло – это скудость! Ущерб! И бедный сосед – опасный сосед! А когда богатых большинство, а бедных нет вообще, да ещё два или три поколения пользуются накопленным и приумножают его, то страх потерять исчезает. Да просто сытый всегда добрее голодного! Тут, я думаю, дух и физиология – разные формы одного и того же. Слово «добро» почти всегда взаимосвязано с добром материальным. Великое целесообразие и гармония!

Аполлон умолк. Голова у него продолжала раскалываться от боли, а разглагольствования хоть как-то отвлекали. И поскольку Федя не возражал, а, глядя в окошко, тоже старался отвлечься от своей головной боли, то он продолжил:

– Недобрый и жадный понятен. Он хапает! И от этого у него целый букет всякой гадости. Гораздо больший, чем у чистой обезьяны. И всё из-за попавших не к тому, к кому нужно, мозгов. А добрый среди злых – загадка. Откуда у него щедрость? Я думаю, доброта – это здоровый божий прорыв сквозь хапальную дурь! А возьми удовольствия! Без них-то тоже никак! И тут целесообразие! А как же! Иначе даже сиюминутный смысл теряется. Потому, что удовольствия – индикатор. Сигнал! Самореализация произошла! Конечно у одного дважды два – и кайф! Хапанул – и зубами к стенке! И никуда уже не надо двигаться. А у другого – стимул! Для дальнейшего…

– Докопался-таки до смысла…

– Да не надо было ни до чего докапываться. Все законы – вот они! Вокруг! И не лупай глазами! Не смотреть надо, а видеть! И не ищи того смысла, который реален для другого измерения и другой формы бытия. Здесь, – только через тернии к звёздам! Но через тернии, а не через кровавые сопли! И знаешь, что я думаю? Когда это социалистическое извращение разрушат, то подёргаются, подёргаются в уже вроде бы более логичном капитализме и его звероскотинизме и опять вернутся к той же любви, к тому же добру и бескорыстию. Через религии, марксизмы-ленинизмы, демократии – неважно! И так будут прыгать до тех пор, пока окончательно от шерсти не избавятся. Потому что смысл бытия осучес… осуществляется только через живое общение, а не через хапанье. И качество общения друг с другом и миром – наш счёт перед собой и этим… как его… ну пусть Богом. Даже не уходят с постов и работы на пенсию чаще всего оттого, что подсознательно или сознательно боятся потерять иллюзию своей полноценности в общении. А некоторые как уходят, так и дуба дают. На производственном, узко профессиональном уровне вроде бы самореализовались, а на человеческом не успели. Или не смогли. Или не хотели. А человеческий – главное! Вот Лев Толстой это понял…

– Еще бы!

– Но промахнулся!

– Да-а?

– Ещё как промахнулся, хотя и был граф! А может быть, как раз и потому, что был граф! Он только на человеческое в человечестве ориентировался. А людей-то – раз, два и то сомнительно! В кого ни ткни – или зверь, или скотина. В большей своей части! И никто не хочет этого признавать в открытую. Все притворяются людьми. Но до первого шкурного интереса. И тех, кто Лёвушкино мировоззрение приняли за абсолютную истину, жизнь несчастными

и сделала. Порвали их в одночасье ближние, да ещё и в душу нахаркали! С Христом то же самое получилось. Тот тоже непротивление проповедовал и всепрощение. Прекрасно и замечательно! Но только для людей! А для тех, кто есть и кто хочет всё-таки стать ЧЕЛОВЕКОМ должно быть сначала конечно «Возлюби ближнего, как себя самого!», а потом обязательно «Не позволяйте злу торжествовать!». С любовью, но воздаяние! И карающее и оно же вознаграждающее! И главное неотвратимое! И никаких правых и левых щёк! Безнаказанность рождает вседозволенность, а вседозволенность беспредел и разрушение. Гибель! А милосердие и прощение к врагу может быть только к поверженному! Это же элементарно! Свернули всем мозги так, что прописные истины – опять новость! Так вот вроде бы увидели ребята истину, определили смысл существования, а методы и способы реализации этого смысла у них оказались пшиковые. Пустые номера! Не стыкуются с тем, что есть! Мало почвы для зерна! Не прорастает! Так же и коммунисты. Одним махом захотели всех сделать одинаково счастливыми. Причём тут наоборот – плюнув именно на всю мизерную, но всё-таки человеческую в нас часть. Поголовно! Как скотину! Насильно! Где все – ноль. И вождь и дворник. И у них, и у графа, и у Христа ни черта не вышло!

– С коммуняками что-то не похоже…

– Да всё! Конец! Уже давно началась агония. Никому не нужна болтология! Поступки нужны! От которых этому человеку, или этому живому существу, или этому уголку природы будет хорошо и радостно. Каждый день! Каждую минуту! Чтобы это перешло в привычку, в характер, в судьбу. В генетику! Тогда не нужно будет постигать истину – она станет очевидна. Но это для тех, кто хочет быть ЧЕЛОВЕКОМ. А для остальных – только уголовный и гражданский кодекс!..

Перед машиной мелькнул какой-то зверёк, и Аполлон притормозил.

– Вот пробежала какая-то тварь, и я автоматически притормаживаю. Это же элементарно! Это же так естественно! Но и поступки поступкам – рознь! Какую пользу и радость приносили истинные комсомольцы тем, что жгли себе пятки, готовя себя к мукам борьбы и испытаниям? А? И это бы ещё ничего! Пусть бы они были готовы умереть за идею – это, в конце концов, дело личное и интимное. Но их готовили к тому, чтобы убивать за идею. Вот где ужас!..

– Комсюки и коммуняки!.. Сами себя сожрали и всех заставили это делать. Ненавижу! Ненавижу их люто! Их слепоту!..

– Ты? С каких пор?

– Всегда!

– Ну, во-первых, настоящих коммунистов и комсомольцев вырезали, постреляли и сгнобили давным-давно, а эти – потомки тех, кто выжил оттого, что молчал в тряпочку, голосовал «за», да охранял в лагерях и сажал. А во-вторых, как же тогда твой социализм?

– Да похоронили вместе с лучшими – всё лучшее. В Швеции, Дании, Швейцарии, Норвегии, Нидерландах, Англии и даже в Сингапуре признаки социальной защищёности уже давным-давно есть! Без этих болтунов… Вот их добренькой болтовнёй и вымощена дорога в ад. Не знаю – легко ли твоему доброму дядюшке…

– Легко быть только покойником! И то это гипотеза!..

– Вот! Делаешь добро – отвечают злом. Даёшь взаймы – не возвращают. Да ещё и начинают тебя же и ненавидеть как кредитора. Как свидетеля своей слабости. Тьфу!..

– Но ты же всё равно продолжаешь давать и улыбаться как ни в чём не бывало?

– А как же! Грешен! Каюсь! Тоже совершаю насилие. Но над собой! Вот тут действительно, – «Через тернии…». Так и хочется сказать: «Что ж вы, ребятки?..». Но я не Бог. Вот и делаю вид, что не помню и не понимаю ничего. Да и что толку от нотаций? Мизер! Среда!.. Система!.. Ситуации!.. Карёжится ЧЕЛОВЕК! Раздавливается! Превращается в грязь, в слизь. В протоплазму! Это же сколько усилий надо прилагать сегодня, чтобы всегда оставаться хоть каким-то ЧЕЛОВЕКОМ и окончательно стать им завтра. Конечно ты прав! Тем более, что тут

есть и моё, и Нюмино, и… Да о чём говорить? Я тоже не могу сокрушить эту зверину. Но могу хоть что-то сделать кому-то. Пусть для меня невыгодное. И делаю! И никакого предпринимательства в этом не вижу. Хотя кто его знает… Мелькает иногда почти коммерческая мысль: «что посеешь, то и пожнёшь!»… Пусть думают, что вот, мол, дурак, но пусть и почувствуют, что от этого дурака им хорошо и радостно. Где-нибудь, да проблеск и появится. Не может не появиться! Хотя сегодня я на полном серьёзе готов был убить.

– Неужели мог?

– Мог!

Последнее слово было сказано так, что Аполлон обернулся.

– Действительно… – пробормотал он озадаченно.

Штиль
(День первый)

Джипы носились по городу, как очумелые. Один из них как-то даже пристроился к самоделке, и ещё немного – и друзья были бы опознаны. Но всё обошлось. Аполлон вовремя вывернул в какой-то проулок и каскадёрским методом ревущего форсажа и зигзагов ушёл от преследования.

– Всё! Надо на пять-десять дней залечь куда-то! – на другой день после погони сказал он. – Я узнал, чьей компании эти джипы и кто в нас ножички метал. Бес! Это кликуха некоего Олжаса – сынка большой партийной кучи! Этот так просто не отвяжется.

– К Светке! Едем к Светке в «Олимпиец»! – сразу предложил Федя. – Она же всё время нас приглашает!

– Точно! Ей как раз музыкант нужен. Я и поиграю, – обрадовался Аполлон.

– А я так вообще как сыр в масле там буду… – по кошачьи облизнулся Федя.

Тут автор позволит себе сделать небольшой прыжок назад для кое-каких пояснений. Помните, как на базе завода герои попытались набрать полные легкие воздуха и размахнуться, да… да ни черта не получилось! И не у них одних. Попробуйте и вы, и у вас тоже ничего не получится. Потому и квёлые все, что с самого детства только наберёшь воздуха да попытаешься хоть что-то своё, а тебе – шарах! Да ещё и со всех сторон, вплоть до изнутри, ни к селу ни к городу, всё той же замороченной многострадальной совестью.

Конечно, в клубе дела более или менее наладились. Продолжая кадровую политику доктора, Аполлон насытил штат руководителей кружков опытными профессионалами. И хотя для этого пришлось пойти на финансовый риск и нарушения, так как, в основном, это были совместители, а платить им надо было как основным работникам, но зато результат был налицо. Однако, как только в клубе дело пошло, интерес к нему упал. Мало того! Считая, что его программа тут практически закончена и самореализация исчерпана, Аполлон стал даже подумывать об отъезде из Алма-Аты. Собственно, и на Капчагай-то он поехал, чтобы напоследок посмотреть – что это за хвалёное взморье, которое под боком и которое он ещё не посетил.

Посмотрел!..

Одно только ещё радовало героя и удерживало от радикального решения – это Федя и его взаимоотношения со Светой. Благотворное влияние этого контакта на друга стало даже наводить на ещё одну мысль: «А не жениться ли самому по новой, но уже не так опрометчиво, как в прошлый раз!». И уже эта мысль вызывала пристальное внимание… Нет, не к девушкам! Они у героя были и гвоздя программы не составляли. Внимание героя обратилось к детям. Видимо, тут включилась программа отцовства с творческой возможностью вылепить из дитяти то, что не удалось вылепить из себя. Аполлон всё чаще и чаще говорил Феде, что всем им, подрезанным и пришибленным взрослым, вряд ли что удастся, а вот дети, может быть, что-нибудь ещё и успеют.

– Смотри, как они живут? На всю катушку! Вот он – смысл! Вот она – максимальная самореализация!

– Да уж! – возмущался Федя. – Вот такие, каких мы встретили в скверике, и самореализовываются…

– Ерунда! – парировал Аполлон. – Естественный отсев. И потом, кто-то побалуется и плюнет. И в наше время, и всегда кто-то в седьмом, а то и в шестом классе рожал, кто-то стрелялся или вешался, кто-то в тюрьму попадал, но большинство-то всё равно жило и живёт нормально.

Ну что сказать? Может быть, и прав Аполлон, а может быть, и нет, но факт остается фактом: дети растут быстро. Каких-нибудь несколько лет – и они уже совершенно взрослые

равные нам члены общества. Вот поэтому не только будущее, но уже и настоящее зависит в большой степени от них, а наша главная задача – во-первых, не мешать, а уже, во-вторых – помогать и подсказывать. И хорошо, что нет у них ни нашего скорбного опыта, ни комплексов. И не надо с утра до ночи пугать их жизнью и рассказывать всякие жуткости. Ясно, что от жизни умирают, но ведь никто абсолютно точно не знает – куда мы как личности деваемся после смерти и где были до рождения. Вот, может быть, в этой неуверенности и есть наше спасение. Наша гарантия, что мы ещё потрещим крыльями и плюнем в глаза тому, чему просто необходимо плюнуть, дабы почувствовать себя ЧЕЛОВЕКОМ, а не винтиком и, уж тем более, не скотиной или зверем. Все корни наших пороков и достоинств – в детстве! Все разгадки всех ребусов и ответы на все вопросы – в детстве! И, увы, вся наша цивилизация – слепоглухонемой ребёнок!

И вот уже Аполлон и Федя встретили Свету… Вот она о чём-то жарко с ними спорит… Вот Аполлон махнул рукой и, остановив такси, пригласил в него Федю и его подругу… Вот они подъехали к домику Наума Аркадьевича… Вот пересели в задержавшийся в прокате из-за болезни Султанбаева самодельный автошедевр… Вот свернули на Талгарскую трассу… И вот покадровый видеоряд закончился, а жизнь продолжается!

– Представляете, санэпидстанция зыркнула и укатила! – щебетала Света. – «Месяц будете пахать, прежде чем мы этот свинарник примем!». Это предыдущая смена нагадила и, как это принято у нас, за собой не убрала. А наши «трудные» за полдня и ночь всё вылизали. Они и на учете в милиции, и семьи у них не дай бог, а вот…

– Так там что у вас – филиал исправтрудколонии? – спросил Аполлон и отметил про себя, что бензина маловато.

– Да что вы, Аполлон Александрович! Нормальные ребята! Комсомольский штаб и пионерский актив!

– Хорошенькая рекомендация! Хайль гитлерюгенд! – застонал Федя.

– Не надо! – обиделась Света. – Это только вывеска. Иначе с нами никто и разговаривать бы не стал. Я же сказала – нормальные ребята. Это Гитлер готовил солдат-роботов, а нам нужны личности! И с «трудными» мы не один год уже работаем. В лагере они у нас самые-самые… Вся дисциплина на них!.. И, знаете, как закрутили? Блеск! И по лагерю будут дежурить, и во время дискотек, и даже ночью…

– И в каком возрасте эти ваши дежурные? – опять спросил Аполлон.

– Кому шестнадцать… кому семнадцать…

– Самый возраст по ночам бдеть!

– Ой, Аполлон Александрович, им не до этого! – уверенно отпарировала Света и продолжила:

– У нас уникальная ситуация – в руководстве одна молодежь!

– Как же так?

– Да старички по отпускам разъехались. И тут райком комсомола нам чуть было всё не испортил – хотел свои кадры подбросить. Но, слава Богу, всё обошлось… Мы им звоним и просим помочь с аппаратурой, а они – нате вам!.. Мы, значит, почти год готовились к этому сезону: и ребят подобрали, и отряды сформировали, и планы составили, а они на готовенькое решили… Как всегда, покомандовать захотели да всё на себя записать. Распределители!.. Мы даже опрос общественного мнения проводили в течение года. Выясняли у ребят, что им нужно будет в этом лагере. Ну, чтоб всё интересно было… чтоб по уму… Так все были против комсомольского руководства!

– Аппаратуру-то дали? – теперь уже спросил Федя.

– Что ты! – махнула рукой Света. – Это контора ещё из тех… Ни музыканта у нас нет, ни аппаратуры для дискотек. Даже автобусы доставали через районо. Но ребята обещали что-то с магнитофонами придумать. Ну и на гитарах несколько человек играет.

Света ненадолго замолчала и тут же снова взорвалась:

– Только их авторитаризма не хватало при нашем самоуправлении! У нас же не только комсомольский штаб, но и пионерский! Младшие должны учиться у старших, а чему они могут научиться у этих «ответственных»? Кричать разве что… Есть ещё и отряд октябрят. Им вообще лучше не знать, что такие существуют… Одного нам, правда, подсунули. Сексота! Комиссаром! Но бог с ним! Мы просили сторожа для охраны по ночам, вот ему и придумали должность, чтоб амбиция не пострадала.

– Сторожит? – опять спросил Федя.

– Как суслик в норе! Зато на линейке самый громкий голос его!

– Наконец-то сбылась твоя мечта, Светка. Судя по захлёбу, ты как рыба в воде, – улыбнулся Федя и поправил локон подруги.

– Ой, не говори, Фен!

– Фен? – удивился Аполлон.

– Это она меня теперь так кличет, – опять добродушно улыбнулся Федя.

– А-а! Ну, тогда, конечно… дело семейное… – тоже улыбнулся Аполлон и с удовольствием посмотрел в зеркальце заднего обзора на друга и его подругу.

Талгарская трасса была насколько живописна, настолько узка и перегружена. Сразу же за колхозом имени Мичурина, в бывшем цветущем хозяйстве, а теперь жившем лишь памятью великого селекционера, справа и слева потянулись яблоневые сады. С юга они были ограничены слоновьими предгорными складками, постепенно переходящими в заоблачные пики. Кроны придорожных карагачей местами почти сходились над многострадальной серой лентой шоссе, и лишь мерзкая шершавая бетонность оросительного канала напоминала о том, что и здесь на природу совершилось покушение. Это, безусловно, было чудо современной инженерной мысли, так как из него по всей длине очень весело и быстро капало и текло. Оно – это чудо – высосало почти всю воду из верховьев реки Талгарки, чем породило хронически пустое и унылое русло и острый водно-поливочный дефицит для несчастных владельцев приусадебных участков.

Но вот сады и веси закончились и автошедевр пересёк границу Талгара – маленького пыльного городка, где правил бал сатана в многоликом образе поставщика мясопродуктов. Автомобиль лихо промчался по парадным улочкам, являющимся одновременно продолжением автомагистрали, спустился вниз к весьма скромной церквушке, больше похожей на амбар, чем на храм божий, и через пару минут въехал в ворота уже известного нам «Олимпийца». Там он тут же был облеплен юными суперактивистами, что было так естественно, что друзья даже не обратили на это внимания, хотя автомобиль щупали и гладили очень даже и очень. Они сразу же направились к пионерской комнате, где начальник смены, Марина Хан, заканчивала обсуждение с активом лагеря вечернего мероприятия – обязательного для отчета праздника строя и песни и необязательной, но очень желательной последующей массовки, где Аполлон должен был играть роль аккомпаниатора, а Федя – массовика-затейника.

Через пару часов ребята, слегка подтрунивая и комикуя, вышагивали, пели во всё горло и удивительно чётко… нет, даже слишком чётко разворачивались, а после оказавшейся не такой уж и скучной официальной части с упоением танцевали и играли… Во что только они не играли! Феде даже не пришлось и пальцем пошевелить – всё само собой крутилось и вертелось. Взрывы хохота, восторженные выкрики, песни, с легкой аккордеонной руки Аполлона самые различные, шум и гам – всё это было.

Хорошо прошёл вечер. Честное слово – хорошо! Все были так довольны друг другом, что Марина отступила от режимных шор и разрешила старшим ребятам посидеть после отбоя у костра. Те тут же взяли одеяла и гитары и обосновались чуть выше лагеря – на традиционной самодеятельной костровой площадке около речушки. Взрослые тоже развели костерок, но

прямо за корпусами на горе. Там они заварили крепкий чай и, сдобрив его тем, что у кого было, устроили второй ужин.

Кто сидел у костра отдохновения (а кто не сидел у него?), тот знает, к какой творческой и лирической атмосфере располагает он. Чего только не услышишь, чему только не удивишься! И песни, и анекдоты, и рассказы… А так как место действия было дачное и, главное, советское, то постепенно темы повествований всё более и более съезжали к продовольственным, и в частности – к скандальнейшему вопросу: «Почему жрать нечего, когда страна напичкана и полезными ископаемыми, и пашнями, и мозгами, и бог его знает, чем ещё?».

– Бросьте! – наконец не выдержал Федя после того, как одна из воспитательниц заявила, что все бездельники и потому не хотят в земле копаться. – Не в свои сани не садись! Каждый должен заниматься своим делом. И потогонщина к прогрессу не ведёт! Наши предки в пятилетки все пупы надорвали, и что? Богаче стали? Шиш! Всё уже было, и всё уже пробовали. И пахать всем городским миром пробовали, и свинушек разводить, и из одного котла хлебать. И разъезжались, в конце концов, в лучшем случае, чудными тёплыми вечерами, по английски – не прощаясь. И природа была изумительна! А над всеми тучными частными садами и огородами звенело и плакало такое городское и близкое: «Мой костёр в тумане светит…».

– Тургенев! – рассмеялась Света.

– Всё равно Оля права – бездельники мы все! – задумчиво не согласилась с Федей Елена Середа – работоголик с рождения и подруга первой воспитательницы. – Деревню поднимать надо!

– Опять? – ещё более жарко вскричал Федя. – Опять эта дидактическая муть! Сколько можно? Трогать деревню не надо! Мешать не надо! Помогать – пожалуйста, а мешать – ни-ни! Трудолюбия в нас нет, того нет, сего нет… Чушь! Всё это чушь! Смысла нет – вот и всё! Вот я – лентяй из лентяев, а корплю каждую свободную минуту над своими рукописями. Пусть кто-нибудь скажет, что это не работа, пусть попробует жить так же! Это тебе не то, что сходил в присутствие или на производство – и получай в конце месяца зарплату. Тут, может быть, только после смерти какое-то признание и копейка появятся… Трудолюбие должно быть следствием смысла, цели какой-то, а не наоборот. Чего там, в селе, поднимать? Кого? Рабов над рабами? Там же рабство кондовейшее! В городе тоже не свобода, но поругался – уволился – в другое место устроился. А куда в деревне бежать? Председатель колхоза или совхоза – хан. Управляющий – бай. Бухгалтеришко, учётчик какой-нибудь задрипанный – эмир бухарский! А секретарь райкома – чистый император, во всём своём пиджачном блеске в «Волге» лоснящийся. А почему? Потому что всё государственное! То есть ихнее – государственных людишек. Вот если бы земля была моя, ферма моя, трактор мой – плевал бы я тогда на них с высокой полки!

– Не на кого было бы плевать, – усмехнулся Аполлон.

– Ну да! Это же естественно! Раб и люмпен – никто! Никто ничто и производит! А имеющий свою, честно заработанную, собственность способен с уважением относиться и к чужой. Так же, как имеющий личное достоинство с уважением относится и к другому. А то истребляли чувство собственника! Калёным железом выжигали! Тут наша одна знакомая правильно говорила: ничего природное истреблять нельзя! Надо цивилизовывать и развивать! А собственность – тем более. Её нужно увеличивать до уровня, когда она исчерпывает разумные потребности личности и начинает служить всем. Все уже рождаются собственниками. Я – это я и принадлежу только себе! Так что даже «ты мой» или «ты моя!» – литература. Нет этого! Просто не может быть! Ни физически, ни психологически!

– Да-а? – удивилась Света. – А мы с тобой?

– Союз двух свободных «я», добровольно отдающих себя в аренду друг другу с обоюдной пользой и удовольствием и, может быть – навсегда, а может быть и во временное пользование.

– До первого скандала, – добавил, смеясь, Аполлон. – Страшные вещи говоришь, Фёдор Петрович!

– Да ничего страшного! Наоборот! Вы даже не представляете, до чего это здорово, правильно и интересно! Это же путь к истинной любви, которая, действительно, дитя свободы. А свобода не только капризное дитя права выбора, но и дитя ответственности и созидательной меры. Опять же – личной, а не учрежденческой! Так что скандалы скандалами, а перспектива перспективой. А перспектива – в союзе. И двух любящих друг друга, и каждого со всем миром. Пусть мы все только попутчики, но пусть – счастливые!

– Ну, замудрил… запел… – покачала головой Света.

Воспитательницы молчали. Шквал и обилие аргументов были для них неожиданными. Около затухающего костерка стало тихо. Один только знакомый нам Чайка-Трезвяк что-то пьяно бурчал себе под нос и тыкал палкой в искрящиеся угли. Хотя в лагерных сменах он лишь пил и спал, но его и на этот раз взяли. На всякий случай. Мужчина все-таки!..

– Зато воздух тут! – вдруг вполне внятно сказал он. – Пузырь раздавишь – наутро как стеклышко. Свет и чистота!

– Да уж… – брезгливо заметила одна из воспитательниц и отодвинулась от Серёжи.

– Ну-ну, девочки! – примиряюще сказал Аполлон. – Каждый имеет право на собственное мнение, и в каждом мнении есть доля истины.

– Правильно! – поддержал друга Федя. – Весь вопрос только в процентном соотношении этой доли к оставшемуся. И вообще, утро вселяет надежду, вечер – желание выспаться!

– Э-хе-хе-е… – зевнул кто-то.

– Путём… Всё путём… – уже снова почти внятно пробормотал Чайка и, подбросив в костёр веток, полуприлёг.

Пламя весело заиграло, и Федя продолжил:

– Застрял я как-то в провинции. В глухомани. Не в разваленной, как обычно, а в процветающей. Крепкие тут были хозяева. Богатели всё той же землёй, которую как-то оттяпывали у государства. Ну, видимо, потому, что слишком далеко от центра. А мне – тощему интеллигенту – богатеть было не с чего. Окладишко, сами понимаете, хоть работай, хоть не работай, – константа. В городе вроде терпимо – театры, кино, гастролёры… Не особенно их посещаешь, но всё-таки отвлекают как-то возможностью посетить. А тут мысли одолевают. О бренности. От безденежья! Философия одолевает от всяческой изначальной невозможности. Ну и решил я хозяйством заняться…

Довольно любопытное повествование захватило всех. Чайка-Трезвяк даже зажмурился от удовольствия, сладко потянулся и, когда открыл глаза, то крякнул – он попал в рай. Но не в сельскохозяйственный…

– Каждому своё! – снова крякнул он и, ничуть не удивившись, довольно огляделся.

То, что это был рай, Серёжа не сомневался, потому как представшая перед ним картина была бесконечно мила сердцу рыцаря беспробудного алкоголизма. И пока там – на земле – все внимали безысходному ужасу и грязи деревенского псевдосоциалистического бытия, да ещё и для инородного тела представителя городской интеллигенции, то тут, в центре рая, стояла необъятная прозрачная реторта, в которой всё время приятно булькало. Под одним из змеевиков, струящимся из реторты, лежал пожилой ангел. Со звуком падающих в колодец капель в его широко раскрытый рот резво шлепалась подтекающая из трубы жидкость. Время от времени ангел шумно всасывал носом воздух, занюхивая жидкость рукавом. Второй ангел, ещё совсем молодой и неоперившийся, суетился у густого сплетения змеевиков поменьше с вентилями и табличками: «Экстра», «Русская», «Столичная», «Сибирская». Особняком аварийно струился алый змеевичок с надписью «Посольская». На нём болталась на шпагате весьма внушительная сургучная пломба. Ангел занимался очень знакомым Серёже делом: вытащив из-за пазухи грелку, он наполнял её жидкостью из-под крана с табличкой «Пшеничная». Над багровыми носами занебесных тружеников сверкала и переливалась фиолетовым цветом божественная аура. Серёжа скосил глаза и с удовольствием узрел и над своим нюхалом такое же освещение.

– Привет, коллеги! Вахта как? – лихо начал он знакомство с занебесными кадрами.

– Нормально! Как всегда! Железный ритм! Порядочек! Буль-буль – и «На-гора!» – качнулся неоперившийся.

Оценив плавность и поэтичность неземной речи, Серёжа опять крякнул и, продолжая ничему не удивляться, заговорил в рифму:

– Молодец – молодёжь! Ну а ты, старик, пьёшь?

Пожилой скосил свои ангельские буркалы и выругался:

– Аль не видишь, баламут, – экономлю я продукт! Прошёл ремонт текущий, а капает всё пуще! Пропадать добру не дам! Пропаду пущай я сам!

– Буль-буль-буль-буль-буль-буль-буль-буль! – застучали скопившиеся за время монолога капли, и Серёжа ещё раз крякнул:

– Молодец, старый хрыч! Работай – не хнычь!

Неоперившийся нюхнул грелку, сделал глоток и сморщился.

– Что ты морщишься, студент? Мал тебе ассортимент? – удивился Серёжа.

– А! – махнул рукой неоперившийся. – Что «Пшеничная», что «Столичная»! Их сам чёрт не разберёт, если он, конечно, пьёт!

Грелка зашевелилась, и из неё выглянул легкий на помине чёртик.

– Цена-то одинаковая – это знать пора! – чирикнул он.

– Чур-чур меня! Ох, видимо, нельзя мне пить с утра! – вздрогнул неоперившийся ангел и торопливо перекрестил грелку, на что чёртик лишь презрительно сплюнул, а Серёжа подмигнул нечистому:

– Постой, студент, не мельтеши! Не бойся – это свой!

– А если так, тогда скажи – вкус почему такой? – не успокаивался неоперившийся.

– Какой?

– Да одинаковый!

– Не может быть!

– Всё так! – сказал чёртик и выпрыгнул из грелки.

Серёжа озабоченно потянул носом:

– Продукт, похоже, шлаковый… Сгорел пшеничный злак!

– Салаги! Так… вашу… растак!.. Пошёл не шлак! Пошёл «Арак»! – раздалось из-под змеевика, и пожилой ангел, лихо подставив вместо себя банный тазик, выбежал к вентилям.

– Какой «Арак»? Голимый брак! – не успокаивался Серёжа.

– Так этот брак и есть «Арак»! – взревел пожилой. – Перепутали краны! Ох, уж эти пацаны!..

Ангел сорвал таблички, закрыл глаза, сосредоточился и, конвульсивно вздрагивая, начал тыкать пальцем в вентиля и ставить таблички на положенные места:

– «Пшеничная»! «Столичная»! «Сибирская»! «Арак»! Тут «Русская» – отличная!

– Ну, экстрасенс! Ну, маг! – восхитился неоперившийся.

– Класс! – поддержал Серёжа.

– Вуаля! Эх, вашу так!.. – гордо выпятив грудь, бросил пожилой и щёлкнул пальцами: – «Посольскую»!

Неоперившийся испуганно съёжился и нерешительно протянул:

– Печа-ать…

– «Посольская» – вот самый смак! А на печать – плевать! – обрезал пожилой и властно добавил в сторону Серёжи: – Тройник, коллега, живо! Отметим это диво!

Серёжа, стыдливо потупясь, извлек из-за пазухи кран с тремя выходящими из него красными трубочками.

– Рраз! – ухнул пожилой и оторвал кран с пломбой.

– Два! – ухнул Серёжа и ввинтил свой.

– Налетай, братва! – радостно заверещал чёртик и захлопал в ладоши.

Все трое тут же прильнули к трубочкам и зачмокали.

– А мне? А мне – нечистому? Хоть граммочку подкинь! – расталкивая присосавшихся, завопил чёртик, на что пожилой ангел лишь просвистел краем рта:

– А ну, студент, ответь ему!

– Да провались ты! Сгинь! – махнул неоперившийся и лягнул чёртика в копыто.

– Ах, так!.. – обиделся тот. – Ну, алкоголики! Устрою вам я колики! Эни бени ряба… Квинтер финтер… баба!

Нечистый хлопнул в ладоши, и тут же рядом с ним материализовалась худая, лохматая и желчная фурия в очках. Распинав пьющих и накрутив хвост чёртика на руку, она закричала так, что с потолка рая посыпалась штукатурка:

– Негодяй! Подлец! Бандит! У меня же план горит! Это что ж творится тут? Жрёте экспортный продукт? Подведу всех под статью!

– Я при чём здесь? Я не пью!.. – пожал плечиками чёртик и исчез.

– Всех под суд за этот кран! – выкрикнула фурия, на что пожилой ангел заметил:

– Всех посадишь – как же план?

– Обойдусь без вас я, воры!

– Воры? Что за разговоры? – удивился Серёжа.

– Мало здесь шары зальёте – по домам ещё несёте! – продолжала фурия.

– Клевета и наговор! – уже решительнее буркнул пожилой, а неоперившийся тут же спрятал грелку за пазуху и поддакнул:

– Кто не пойман, тот не вор!

– Ах, вы так… Ну что ж, отлично! Я поймаю вас с поличным! – крикнула женщина и, исчезая, материализовала вместо себя огромный компьютер с множеством железных манипуляторов и светящихся экранов.

– Это что за рукомойник? – ещё раз удивился Серёжа.

– Ишь, мигает, паразит! – отшатнулся пожилой.

– По-той-ти сюта, распойник! – с иностранным акцентом проскрипел компьютер и протянул к пожилому манипулятор.

– Мужики, он нам грозит? – ещё больше удивился Серёжа.

– Не боись-ка, старики! Это дело нам с руки! – ухмыльнулся неоперившийся ангел и вытащил из-за пазухи огромный ржавый гвоздь. – Вмиг отправим на тот свет! Гвоздик в дырку – и привет!

– Диверсант! Не дам! – закричала женщина и снова начала материализовываться перед компьютером.

– Постойтэ! – остановил её тот и ловко выдернул сначала из рук неоперившегося гвоздь, а потом из-за его же пазухи грелку. – Это мне интэрэсант! Фотка в крелке?

– Э-э, не троньте! – засопротивлялся тот, но компьютер успокоил его:

– Ви, конешно, есть талант! Но приносим извиненье – получите уфольненье!

Электронное чудо застучало, затряслось и выбросило прямо в руки неоперившегося трудовую книжку.

– Ну, кастрюля! Ну, даёт! Грелка водки – и в расход! – развёл руками Серёжа.

– Вот что, эту трясогузку мы возьмём на перегрузку, – успокоил совершенно растерявшегося юного ангела пожилой. – Она рассчитана на граммы. На наш масштаб в ней нет программы.

– Гениальная мысля! – обрадовался Серёжа.

– Вуаля! – выпятил грудь пожилой, и из-за реторты прямо к нему в руки выкатился огромный булькающий баллон от заднего колеса трактора «Беларусь» с вентилем.

– И-и раз! И-и раз! Ну, кастрюля, – фас, фас! закричали все и начали раскачивать баллон в сторону врага.

– Грандиозо! Миль пардон! Я не фидержу паллон! – затрясся тот, и его экраны налились вишнёвым цветом.

– Прекратите, изуверы! Это лучший образец! – опять закричала женщина и окончательно материализовалась перед компьютером.

– Ну и что? – закричали в ответ ангелы и особенно сильно качнули баллон в сторону уже дымящегося электронного чуда.

– При-мы-тэ мэры… – прошелестел тот и рассыпался на атомы.

– Всё! Не выдержал! Конец!.. – сказала женщина и тоже рассыпалась.

– Урра-а! – закричали все не в рифму и не в ритм, и рай рухнул в тартарары, а Серёжа вернулся на землю.

– Доброй ночи, Серёжа! – трясли его Федя, Аполлон и Света.

– А что, все уже ушли? – лихорадочно и виновато забормотал побывавший на небесах и, вскочив, начал затаптывать ещё тлеющие угли костра.

– И ушли, и пришли, и пора вам устраиваться, – сонно протянула Света.

– Ну, я сон видел… Вещий! – продолжал бормотать Трезвяк, и угольки только потрескивали под его штиблетами. – А вы тут всё про закуску… Про курочек, гусочек, свинюшек… Я слышал, слышал… Я и во сне, и тут… У меня, как у Наполеона, организм! «Поросёнок – чав-чав-чав-чав! И не то, что не жиреет, – не растёт!. Полгода прошло – как был поросёнком, так и остался! Находка для этих…» Как их… гермен…

– Геронтологов! – подсказал Федя.

– Вот именно! Чудики!.. Но у меня жизнь, конечно… Звезды! А как я стихами во сне разговариваю! Ну это… Вы со мной пойдёте или у себя спать будете?

– С тобой, с тобой! – уже нетерпеливо сказала Света. – Я вам всё приготовила…

Аполлону и Феде предоставили отдельные апартаменты, но они отказались ночевать в них. Что-то им там не приглянулось. Друзья взяли матрацы, подушки, одеяла, постельное белье и расположились на горе, рядом с зелёной резиденцией Трезвяка, который в лагере спал из-за хронического перегара только на воздухе. Попросив Свету к завтраку их не будить, Аполлон, Федя и Серёжа укутались и, блаженно глядя в звёздное небо, уснули. Попал ли Серёжа снова в свой или какой-нибудь соседний рай, мы не знаем, но, судя по хихиканьям, временами раздающимся из-под одеяла, ему было хорошо. И не только ему! Удивительная благодать струилась повсюду. В беседке у лагерной арки кто-то кого-то бережно и вполне цивилизованно любил, на кухне ленивый жирный кот скучал у миски со сметаной, в траве очень мягко и приятно стрекотали и шуршали насекомые, и даже собаки из соседних дач потявкивали как-то ласково и дружелюбно.

Жизнь – была!

Шеф

Идиллия продолжалась не долго. Миска со сметаной подпрыгнула, и из под неё выплыла дырка от бублика. Она ткнула кота в морду, на что тот неожиданно миролюбиво мяукнул и, упав на спину, заёрзал от удовольствия. И тут на кухне появились мы, чем уже напугали кота чрезвычайно. Раньше, в частично независимой от героев личностной форме, мы были невидимыми – ну, что ли, сгустками какой-то энергии, – и жутко вздрагивали и шарахались в сторону пока немного не привыкли к тому, что вдруг кто-нибудь проходил через нас или что-нибудь проезжало или пролетало. Теперь же произошла полная персонифицированная материализация с одновременным сохранением богоподобных функций присутствия везде и всегда. И хотя у духов или фантомов (неважно – материализованных или нет!) вроде бы ничего нет, за что можно было бы зацепиться на этом свете как следует, но как сейчас, так и раньше сердце моё очень ощутимо пощемливало от ностальгии по тому времени, в котором я оказался, но уже не в том возрасте и не в том качестве, когда был здесь впервые. Да и двойник тоже периодически подозрительно щурился и тёр то один глаз, то другой.

– Хватит растекаться слёзной лужею! Всё, что ни делается, – всё к лучшему! – бодро продекламировала дырка и, подлетев к самой большой кастрюле, хмыкнула: – Чистить вам котлы – не перечистить!

– Ещё чего! – возмутился двойник. – Всегда дежурные по кухне скоблили, а тут вдруг мы.

– Да уж! – поддержал я. – Весёленькую работёнку ты нам придумал – лагерь кормить тем, что не успел украсть Кеша.

– Отбросами да гнильём! – подхватил двойник.

– Ну, кашу заваривать и кормить будете не вы. Вы только на подхвате и для видимости. Тем более что даже яйца облупить, как следует, не можете. Что морщитесь, ненасытные вы мои? Радуйтесь, что теперь будете жить в вашей писанине и видимо, и невидимо. Слава Богу, то есть опять же мне, программа наконец-то вроде бы сработала до конца, – сказала дырка и, несмотря на своё предположение, начала, так же как и раньше, мучительно превращаться… теперь уже в паренька в застиранном трико, но с белоснежным накрахмаленным поварским колпаком на голове и сверкающим половником в руке.

Пока мы вытягивали его из дырки и уже все втроём опять проклинали какую-то всё-таки не годную программу и уже совсем никуда не годное антивирусное обеспечение, о которых никакого другого понятия не имели, кроме как с его же слов, он, конвульсируя, раз пять саданул меня половником и раза три двойника. И не случайно! Мало того, что Бога время от времени скручивало, как жертву цереброспинального паралича, но и весь он был явно не совсем доведённый. Одна рука была короче другой, ноги разной толщины и невероятно кривые, огромная голова болталась на тоненькой длинной шее, и глаза были… Ну, урод! Типичный урод, да ещё и больной. Но когда это божественное недоразумение шмякнулось об пол и, преобразившись наконец в нормального, вполне симпатичного паренька, тут же вскочило и радостно заорало: «Довольно жить законом, данным Адамом и Евой! Клячу истории загоним! Левой! Левой! Левой!», мы разулыбались. Весёлый нрав теперь уже вполне презентабельного юного шефа был потрясающе заразителен.

– Похож на повара? А скоро буду – два в одном! – радостно сказал добрый молодец ещё не садаптированным голосом нашего, совсем не молодого отца и показал фотографию своей теперешней копии. – Оригинал уже в дороге. Материяльчик, конечно, ещё тот… но не впервой! Будем раскручивать и приводить в порядок! В пассиве я в вас всегда, но в активе не часто, не часто… В активе всегда и постоянно вы во мне. Ну-ка, разомнёмся:

Как молодой повеса ждёт свиданья

С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливый день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук ещё не полный)
Горсть золота накопленного всыпать.
Немного кажется, но понемногу
Сокровища растут…

Растут сокровища! Точно! Недавно какая-то хреновина прилетает, а оттуда камешки речные, как из мешка, сыпятся. Я таких видом не видывал, о таких слыхом не слыхивал. Разноцветные такие, гладенькие. Увидели меня – и ну верещать! Молиться, то бишь! Балаган! Оказывается, они уже давным-давно куролесят и тоже считают себя единственно избранными, да ещё и почище, чем вы. Так вот, с вашими обезьянами тоже фальстарт произошёл. Типичный комплекс жуткой неполноценности! Не соскучишься с вами!

– С тобой – тоже! – тут же отпарировал двойник. – Как молодым быть – не напрягает?

– А когда я был старый? Старцем меня представляют, чтобы авторитет себе нагнать. «Не расстанусь с комсомолом. Буду вечно молодым!» – пропел уже действительно молодым голосом Бог и, патетически выбросив руку, продекламировал в том же духе:

Кто-то ворчит —
«Холод и сырость!
Дождик стучит,
давит тоскливость!»
Кто-то грустит —
«Песня забылась!
Время летит,
молодость скрылась!»
Я же смеюсь!
Звёзды срываю!
Где-то напьюсь,
где-то страдаю.
Старческий бред
песней развею.
В беглости лет
лишь молодею.
Мне ль унывать!
Пусть дождь и холод!
Мне – цвет срывать!
Я – вечно молод!
Мне – песни петь,
чтоб кровь искрилась!
Мне – жить хотеть,
чтоб радость билась!

Мы захлопали в ладоши, на что Бог повертел пальцем у виска:

– Совсем сдурели! Это же ваше!

– Действительно… – озадаченно пробурчал двойник, а я вдруг такое вспомнил…

– Ну, вы тут посудой займитесь, а я, пока меня не сморило, пойду попрелюбодействую! – то ли подмигнул, то ли просто дёрнул веком Бог.

– Чего-о? – в голос удивились мы.

– Любовью буду действовать! Любовью! – сказал Бог и ушёл, комически вихляя и дёргая бёдрами.

– Опять закадрит какую-нибудь Машку и будет ей тюльку гнать про голубков средь васильков в пустыне, – завистливо проворчал двойник и поднял один из фотоальбомов, сваленных кучей в углу кухни.

Я тоже поднял один и с любопытством и удивлением листал его. Какой-то шутник (или шутница) вклеил (или вклеила) в самые торжественные места порнуху, и, похоже, наши кухонные предшественники (тоже мужчины) притащили их сюда из-за схожего с нашим любопытства. Окая и огокая, мы листали хранителей торжества псевдокоммунистической разнузданности и традиционного сексуального диссидентства, и рвать и метать желания не было. Замечательным образом одно гармонировало с другим, и всё вместе умиляло до чрезвычайности.

Но каждому удовольствию есть предел и тут он наступил быстро. Двойник отбросил очередной альбом и вытащил из-за пояса первое издание моего «Любимца Израиля».

– Вот тут ты пишешь, что интеллигент и интеллектуал не всегда одно и то же и чаще всего это вообще разные существа. Что интеллигентом может быть совершенно неграмотный человек и даже ребёнок или собачка, а хамом и скотиной – лауреат Нобелевской премии и руководитель государства. Это что, – для красного словца?

– Ещё чего! – возмутился я. – ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ, товарищи, граждане и господа – ЭТО ДОБРОЕ ОТНОШЕНИЕ К МИРУ! И всё! Никаких философских прибамбасов и других заумных трёпов. А кому надо поподробнее, то это, конечно же, такт и деликатность, это «не навреди!» в каждом движении и слове (за исключением случаев, когда садятся на голову!), и, наконец, это – продукт Божьей любви, а не интернета. Да ты что, до конца не прочёл, что ли? Дай сюда! Тут же всё по полочкам разложено: «Вот тот, кто молится на информацию, – интеллектуал. То есть обыкновенный мешок со знаниями. То есть не у него мешок, как у интеллигента, а он сам – мешок. В лучшем случае это что-то вроде мишурной чепухи для отгадывания кроссвордов и участия в какой-нибудь игре вроде „Что? Где? Когда?“». Неужели неубедительно?

– Когда ты говоришь, то – да. А так вроде промелькнуло – и до свидания!

– Ну, не знаю. Может быть… Факт только тот, что интеллектуал что угодно может болтать, но ущерба себе никогда не причинит – он явный или не явный, но всегда только хапальник. А настоящий интеллигент – сгорает! Одному интеллектуалу я как-то даже стихами ответил:

…Ты на огне лишь руки греешь,
А сам гореть-то – не дурак!
Ты, как пузырь болотный, зреешь
И будешь зреть всю жизнь вот так!

Думаешь, он среагировал? Он даже не заподозрил, что это про него. Ну и чёрт с ним! В конце концов, я писал и пишу прежде всего для себя, а уже потом для дяди, тёти и их дитяти.

– И для меня!

– Само собой! Меня мучают вопросы, и поэтому я ищу ответы, которые, в конце концов, слава богу, приходят. Если то, что я пишу, кому-то близко – его счастье, а для кого чуждо – его проблемы! Мне самому-то до этих ответов расти и расти, и если кому-то всё это до лампочки, то это его дело.

Каждый должен выбирать вопросы и находить на них ответы сам. Но конечно: «Учись, мой сын! Науки сокращают нам опыты быстротекущей жизни!». И если в конце этой жизни и в начале какой-нибудь другой кто-нибудь увидит лишь огромный и жирный (или маленький и тощий!) шиш, то, кроме него самого, никто в этом не виноват. Я всегда к шовинизму в боевой стойке, но ты же сам знаешь, что уровни качества были, есть и будут, и их показатели…

– Масштабы творческого созидания!

– Вот! И духовного и материального через духовное! Вот и получается, что свободе и братству всегда – да, а равенству всегда – нет! Нет созидания при равенстве! А поэтому – каждому по заслугам! И здесь – на этом свете! А в этом или другом воплощении – неважно! Здесь для нас ад, рай и чистилище, и нигде более. И нечего надеяться на загробные сказочки (слышали звон, да не знают, где он и про что!) или, опять же, смеяться над ними, которые здесь. Нет для нашего несовершенства других вариантов к совершенству, кроме как эта жизнь. С её механикой подозрительно похожих на наказание и коррекцию реинкарнаций.

– Ну!

– Что ну! – передразнил я. – Что ты-то меня ковыряешь, когда и так всю жизнь ни одного доброжелателя? Любимые жёны – и те при абортированном социализме клеймили нас предателями Родины и врагами народа и хотели сдать в КГБ за антигосударственные и антипартийные высказывания! И ведь не шутили – вот в чём ужас!

А сегодня, когда все срочно сменили опарафинившуюся партийную религию на традиционную, они опять «всё поняли!» и с радостью обнаружили в нас дьяволов. Не посидели мы с тобой при жизни в застенках, так будем теперь после смерти на завтрак, обед и ужин лизать раскалённую сковородку.

– Действительно… – согласился двойник.

Я вернул книжку и раскрыл очередной альбом.

– Смотри лучше, какие уголовные рожи яблочками угощаются на этой фотке, да ещё и у развороченных рельсов. А подпись-то, подпись! «Турксиб – БАМ – перекличка пятилеток!». Исторический факт! Ого!..

На следующем развороте среди чёрно-белых фотографий сверкала всеми цветами радуги… нет, не порно, а нечто гораздо более невероятное и удивительное – голограмма Бахайского храма с каскадом лестниц, поднимающихся к нему, и огромной летающей тарелкой, зависшей прямо над куполом.

Бахаизм – это философско-религиозное течение, стремящееся к объединению и примирению всех религий и таким образом дарующее миру – мир (замечательное стремление, но как бы с ним не произошло то же, что и с идеями коммунизма на современном этапе!).

Так вот, один из штабов этого учения находится в Израиле, в городе Хайфа. Это не домик какой-нибудь задрипанный и даже не сам храм, который снаружи вроде храм, а внутри обыкновенный склеп для одного из основоположников. Это целый комплекс зданий, утонувших в роскошной по израильским меркам зелени.

– «Вот они – сегодняшние гнёзда жидомасонского заговора! Да ещё и с космическим курированием!». – язвительно воскликнул двойник голосом нашего зятька – безнадёжно упёртого юдофоба и классического интеллектуального дурака. – Как бы он там ещё испражнялся бы, если бы увидел это?.. «Вот куда бомбу надо бросать, да не одну! Под каких-то бахуистов замаскировались! Да посмотрите на религиозных евреев! У них же у всех на головах летающие тарелочки пришпандорены! А здороваются-то они как? „Шалом!“ – говорят, что означает – мир! Не тот мир, который спокойствие, а весь мир, который надо прикарманить тихой сапой». Ну-ка, сковырнём фотку на память! Тем более что она не из этого и даже не нашего времени качества…

Не тут-то было! При первом же прикосновении края голограммы вспыхнули и, скрючившись, поползли в стороны, сжигая соседние изображения. Выйдя за рамки испепелённого в

считанные секунды альбома, брошенного на пол, голограмма заполнила всё пространство, а мы оказались внутри ожившей и зазвучавшей картинки. И хотя народу около храма и вокруг было полным-полно и автобусы с туристами подкатывали и подкатывали, но ни дети, ни взрослые не видели ни тарелки, ни нас. Даже когда тарелка завибрировала и с низким, каким-то подземным гулом начала превращаться в жёлтое плазменное облако, внутри которого загорелась тяжёлым багровым огнём лента горизонтальной восьмёрки, никто и ухом не повёл.

– Хлоп! – и восьмёрка разделилась на два эллипса, которые в свою очередь сжались и вспыхнули звёздами, а к куполу храма потянулся конусообразный поток разноцветных камешков.

Камешки врезались в купол и, взрываясь, осыпались песком.

Купол дрогнул и, наподобие обсерваторского, стал раскрываться. Гул усилился, но ничего не изменилось. Песок сыпался и сыпался, обтекая всё расширяющийся зазор. И никто этого не видел и не слышал, кроме нас! Мы заткнули уши пальцами, но это не помогло. Всё тело начало вибрировать и расползаться. Ещё немного и…

– Сколько можно гробить и гробиться? – сонно возмутился знакомый нам голос, и всё закончилось.

Голограмма исчезла, а в опять появившемся альбоме зачернела дырка от бублика. Она выплыла из альбома, а на её место втянулась откуда-то из глубины вполне соответствующая времени действия чёрно-белая фотография с не менее соответствующей надписью: «Пионерия на марше!».

– Каверны проклятые! Откуда их столько в программе? Да ещё и эти камешки… Долбают и долбают… – зевнула дырка.

– Слава Богу, вернулся! – промычал я, с трудом разжимая онемевшие челюсти.

– Да уж нет покоя от геморроя!

И дырка снова бодро и напористо запела голосом паренька:

И вновь продолжается бой.
И сердцу тревожно в груди.
И вновь я такой молодой.
И новый сюжет впереди!..

– Дурной сон какой-то! – отвернулся двойник.

– Ещё какой дурной! – сказала дырка. – Тут такая куралесица скоро закрутится, что только держись!

Пространство опять распахнулось и мы оказались над скупо освещенной дорогой. Плавно спланировав на неё, дырка превратилась в паренька, который сделал шаг… и вдруг побежал. Причём было видно, что не по своей божественной воле. Панически размахивая руками, он пытался приостановить бег, но ноги несли его всё быстрее и быстрее. На крутом повороте дороги паренёк крякнул и опять стал премилой нашему сердцу обезьяной, а затем и снова дыркой от бублика. Дырка и врезалась в идущего по дороге хулиганистого вида такого же паренька. Паренёк был точной копией, а вернее, оригиналом. Классически сверкнула молния, грянул гром, и на землю на какие-то мгновения пал совершенно литературный мрак, из которого, пошатываясь, вышел ничего не подозревающий оригинал, а в действительности – не совсем уже и он. Оригинал сделал два шага и медленно опустился на землю.

Крик
(День второй)

Пробуждение оказалось неожиданным. Истерический визг и крики неслись снизу. Друзья сделали несколько прыжков по горе и увидели заполненную до отказа площадку для проведения линеек. Вдоль понуро стоящих рядов ребят бегали две престарелые девушки и такой же, не первой свежести, парень. Как маузерами, они трясли перед ребятами тремя бутылками.

Сонно потягиваясь, подошёл Трезвяк.

– Заловили птенчиков… – ковыряя соломинкой в зубах, сказал он. – Пойдёмте, поспим ещё… Эта херовина быстро закончится…

Трезвяк ошибся!

Сон его оказался по водочным символам вещим!

Уже через пятнадцать минут к друзьям взлетела Света.

– Ой, мы пропали! – задыхаясь, выпалила она. – Ещё с утра эти две мымры вынюхивали у ребят, что им нравится да кто им не нравится. А тут, как специально, трое наших лопухов навстречу с сумкой. А в сумке три бутылки… Мы вам покушать сюда принесём! Вы, пока они не уедут, не спускайтесь вниз на всякий случай…

Через некоторое время трое добрых молодцев цепочкой поднялись на гору, держа в руках тарелки с завтраком. Градом кативший по их лицам пот говорил о великом старании «не уронить ни крошки». За ними, также гуськом и с полными стаканами компота, шли три юных воспитательницы и Марина. Молодцы поставили тарелки на одеяла и удалились. Друзья предложили девушкам расположиться на матрацах, а сами принялись за трапезу.

– Вы нас извините, Аполлон Александрович, что мы будем говорить во время еды, но у нас ЧП! – начала Марина.

– Слышали, слышали… и даже видели… – пробурчал Трезвяк. – Бормотуха?

– Водка, – трагично выдавила одна из воспитательниц. – «Русская».

– Молокососы! – выругался Трезвяк.

– Тут дело не столько в водке, сколько в ситуации, – продолжила Марина. – Мы бы хотели с вами посоветоваться…

– А чё советоваться?.. – опять начал было Трезвяк, но Марина прервала его:

– Сережа, я не с тобой разговариваю!

– Пожалуйста… – нисколько не обиделся Трезвяк.

Быть начальником везде трудно. Если, конечно, быть им, а не находиться. Но у нас руководить чем бы то ни было и кем бы то ни было ещё и опасно. И в прямом и в переносном смысле. А для хороших людей – так это просто гроб. Не успеешь оглянуться, как ты уже и сволочь, и хам, и скотина недорезанная, и вообще враг всего человеческого. Причём это не только злобствования подчиненных, а так оно и есть. В разной степени, но есть!

Страшно!..

Марина только прикоснулась к этой стезе в роли старшего методиста, а теперь начальника смены, и сразу же пришла в ужас. Несмотря на все старания сохранить юность, нежность и женственность, липкие паучьи сети циркуляров, требований и обязательных обрядов и форм оплели её и начали дёргать за ниточки. Жёсткость, рубленая безапелляционная конторская речь были первыми тревожными признаками, и она тайно поклялась себе страшной клятвой, что после этой смены бросит всё и будет поступать в аспирантуру. Наивная! Она думала, что в науке занимаются только творчеством…

– Сегодня у нас должно быть открытие лагеря, и поэтому уже с утра приехали инструктор школьного отдела Кизякова Алма и освобождённый секретарь первой школы Засыкова Зайра, – начала объяснять Марина.

– Ужасная солдафонка, которая в будущем наверняка станет большой шишкой, – вставила Света.

– Вы продолжайте, Марина Марсовна, продолжайте! Это интересно! – поддержал начальника смены Аполлон.

– Да… Я постараюсь поподробнее, чтобы понятнее было, – сказала Марина. – Мы сразу же почувствовали недоброжелательное… ну, негативное, что ли, отношение к нам. Очень неприятно это, но что поделаешь! Извините за казённый язык, но они явно хотели выявить наши слабые места, чтобы, как мы думаем, выйти потом на районное начальство с доводами и взять власть в свои руки. А как же! Всё уже организовано, подготовительная работа проведена, лагерь на ногах…

– Осталось только лавры пожинать! Карьеру нарабатывать! – не выдержала Света.

– Ну, если так можно назвать это… – продолжила Марина. – Прошли эти наши типичные комсомольские дамы по лагерю и уже шибко опечалились, как вдруг, видимо, специально для них, трое наших дураков им навстречу с сумкой. Они занимаются в Доме пионеров с четвертого класса и ума не набрались, дожив до десятого.

– Ну, ясно, что наши бдительные работники райкома заглянули в сумку и обнаружили, к своей невероятной радости, водку, – теперь уже не выдержала другая воспитательница.

– Да, – согласилась Марина. – Экстренно собрали весь лагерь, и наш горе-сторож, он же комиссар, произнёс пламенную речь, что в свете постановления, в частности, от такого-то месяца, «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом» мы обязаны… И так далее и так далее…

– Скучная речь! – опять вставила Света.

– Да, – снова согласилась Марина. – Долго он говорил, что это плохо. В общем, мы попали в струю…

– Зайра так вообще орала, что вот такие, как эти наши трое, на войне предателями были. В спину стреляли! – дополнила вторая воспитательница.

– Это их коронка. В таких, как она, и стреляли. И правильно делали… – буркнул Трезвяк.

– Как не повезло нашему району! Как не повезло! – воскликнула Света.

– Ладно, Светка, нам всем не повезло, что мы в этой стране родились! – оборвала причитания подруги Марина. – Куда они водку тащили? Сказали, что поварам, а я думаю – сами после открытия лагеря нажраться хотели.

– Поварам? Ха-ха-ха!.. – забулькал Трезвяк. – Да у них склад этого оружия! Причём не за наличные! Сейчас, правда, какие-то новенькие мужички с кривыми носами появились. Вылитые разноцветные близняшки. Может, они не в курсе… Хотя вряд ли! Рука руку моет!..

– Да потом они сказали, что местные просили припрятать, – вспомнила третья воспитательница.

– Вот! Совсем ерунда какая-то. Себе они тащили, себе! – уверенно поставила точку Марина. – Так я дальше… Вы кушайте, Аполлон Александрович, кушайте! Завтрак сегодня приличный! Шеф-повар хоть и выглядит подростком, но он призёр конкурса молодых кулинаров этого года. А близнецы – так… на подмену заболевших помощников на несколько дней. Те что-то не то поели… Слава богу, нам не досталось! В общем, тут же на линейке объявили, что ребят немедленно вывезут из лагеря, сообщат по месту работы родителей, по месту учебы и, видимо, они будут исключены из рядов ВЛКСМ. И тут вдруг те самые «трудные», на которых мы особой надежды не возлагали, выступили и сказали, что лагерь вообще-то у нас на самоуправлении и есть у нас совет лагеря, который вправе решать вопрос о том, вывозить ребят или не вывозить… Зайра сразу грубо их оборвала!

– Да-да! – опять не сдержала своего возмущения Света. – «Ещё неизвестно, какие вы сами!» – кричала.

– «Может быть, это с вами они собирались выпить? Да и вообще, какой у вас внешний вид? Да как вы говорите? Жаргон какой-то!..».

– Зайра прекрасно знает, что эти ребята на учете, – вставила первая воспитательница.

– В общем, она увела разговор в другую сторону и линейка на этом закончилась. Я считаю – безуспешно, – подвела черту Марина. – А потом пошёл заседать совет лагеря. Но перед заседанием Зайра, Алма и этот самый наш пресловутый сторож отозвали меня в сторону, и тут же показали себя во всей своей прелести. «Марина, что ты дурью маешься? Что ты этих щеглов защищаешь? Гони их!» – сказали они. – «Нас с тобой вызовут на ковер, а мы с тобой молодые, растущие! Нам нужно с тобой расти, а если нас вызовут, да ещё и „дадут!“, то мы уже не вырастем». Они так чисто откровенно свою философию и выдали. Я говорю: «Вы хотите таким образом расти – растите, а я не хочу так расти!».

– Ой, а мы этого не знаем! – воскликнула вторая воспитательница.

– Откуда же вам знать, девочки, дворцовые шуры-муры! – удивился Федя. – У нас же гласность только от этого до этого. Да и какая это гласность? Ну, у вас тут и разворачивается житуха! Вселенская паранойя на пяточке!

– Ну да, – согласилась Марина. – Но вы слушайте дальше. Я с пеной у рта защищаю самоуправление, демократию… Доказываю, что антипедагогично вывозить ребят, ибо здесь они под контролем, а дома никого нет, и за их поведение в городе вообще никто ответственности нести не будет. И что, в конце концов, поскольку я являюсь начальником смены и фактически отвечаю за жизнь и здоровье каждого, последнее слово о выезде за мной. Без толку! Пошли на совет… И вот здесь, Аполлон Александрович, ребята меня окончательно поразили. Мы, конечно, делаем, что можем, но нам до идеала далеко. И всё-таки хоть сегодня лишь второй день и говорить о какой-то сплочённости рано, но, видимо, эта ситуация и несправедливость их объединили. В общем, совет прошёл очень дельно и толково.

– Голубчики получили испытательный срок в два дня, и само собой получилось, что все комсомольцы обязались не курить, не нарушать дисциплину и прочее и прочее, – продолжила третья воспитательница.

– Да, – подтвердила Марина. – Хоть это всё и фантастика, но главное то, что ребята ещё раз утвердились в своей самостоятельности. Я, честно говоря, думаю, что тут нет худа без добра.

– Значит, парней оставили? – уточнил Аполлон и с удовольствием допил действительно высочайшего качества компот.

– Мы – да, а райком – нет! – устало закончила Марина. – Они сегодня до самого отбоя будут среди нас бдеть…

– Ну что ж, спасибо за вкусный завтрак, девочки!

– сказал Аполлон и начал складывать тарелки.

– Бросьте, Аполлон Александрович, мы уберём!

– остановила его Марина. – Мы хотели узнать ваше мнение по поводу случившегося и попросить вас отвезти их вечером в Алма-Ату.

– И если ничего у нас до вечера не получится, то попробовать по дороге отговорить от раздувания этого дела, – добавила Света.

– Мда-а… – протянул Аполлон. – Неужели всё так серьёзно?

– Похоже, что да, – развела руками Марина.

– Вообще-то я… Ну, ладно! Сейчас мы на заправку, потом по делам, а вечером к вашим услугам!

– И опять на открытии у вас будет музыкант! – довольно подвёл черту Федя.

– Теперь вот что… – продолжил Аполлон и успокаивающе положил руку на плечо друга. – В любом случае по лагерю готовность номер один и подчёркнуто доброжелательное

отношение к комиссару и девушкам… Как у психиатров к буйно помешанным! Впрочем, вы и сами это знаете. А насчёт мнения… Не знаю, девочки, не знаю… «Кому это выгодно?» – говорят в таких случаях юристы. Если у них установка – вас раздавить, то, скорее всего, они вас раздавят…

Ну, чего носы повесили? Надо всегда двигаться от худшего к лучшему, а не наоборот. Маленький, но шанс есть. И мы – в вашем распоряжении. Теперь так!.. На всякий случай, мы с Федей тут посторонние люди, приглашённые в порядке шефской помощи. Отношения между нами на людях вежливо официальные.

– А мы так и объяснили им! – воскликнула Света.

– Умницы! – похвалил Аполлон и продолжил: Если нужно будет пообщаться, то за территорией лагеря и в обусловленных местах.

– Конспирация – мать подполья! – опять не выдержал Федя.

– А стратегия – мать победы! – теперь уже рассмеялся Аполлон, и, ещё немного поговорив, все разошлись по своим делам.

Метаморфозы
(Вторая половина второго дня)

Автошедевр выехал за лагерные ворота, прокатил метров сто пятьдесят по грунтовке и только начал спускаться с пригорка, чтобы вывернуть на асфальт, как замер. Из-за поворота послышался стремительно нарастающий рёв мотора, и тут же визг тормозов. В метре от радиатора самоделки, пощёлкивая, остывал джип.

– Порядок… – прошептал Аполлон, а Федя трясущимися пальцами начал вытаскивать из «бардачка» огромный гаечный ключ.

– Встреча на Эльбе, бля! Саламат сызба – хау ду ю ду! – раздался очень знакомый голос. – Майн кампф – казакша курес аяк талды! (Моя борьба – казахская борьба окончена!) Шалом алейхум от Соломона Израилевича!

Бес вылез из машины и, разминаясь, сделал два приседания. Несмотря на то, что морда у него выглядела так, как будто её часа два брили кирпичами, он улыбался и очень был похож на ЧЕЛОВЕКА. Это иллюзорное впечатление усиливалось ещё и тем, что Бес был совершенно трезв и без свиты.

– Потрудился дядюшка… – расслабляясь, тихо сказал Аполлон и тоже полез из машины.

– Неужели обниматься будешь? – прошипел Федя.

– Ещё как! Сегодняшнее дерьмо – вчерашняя пища! И наоборот!..

– Братан! – всхрапнул уже в объятьях Аполлона Бес. – А я тебя чуть было не пришил. За мной компенсация!

Что было у Беса точно положительное, так это гостеприимство. Правда, за чужой счет, но вряд ли стоит его за это винить. В какой семье родился – тому и научился!

Бес решил прокатить друзей по полной программе. Правда, и тут не без умысла, но хорошо, что и так. Сначала была бесплатно заправлена машина Аполлона, а потом друзьям был оказан торжественный приём в ресторане «Талгар» – месте обедов и разгулов, в основном, местной партократии, номенклатуры и жуликов. И хотя они были сыты, но из вежливости по бокалу шампанского выпили, после чего обе машины направились в сторону Талгарского заповедника.

Трое бандитов-охранников с расстегнутыми кобурами и такими же примерно рожами, как у Беса, ещё издалека заметили машины. Они с такой поспешностью распахнули монументальнейшие решётчатые металлические ворота, что не пришлось даже притормаживать. На бурные приветствия и пожелания приятного отдыха, летящие вслед автоколесницам на казахском и русском языках, Бес лишь одобрительно кивнул и прибавил газ. Охранники же ещё сильнее и восторженнее замахали руками и продолжили обыск известного учёного энтомолога Александра Жданко на предмет обнаружения взрывчатки и других наборов диверсанта и браконьера.

– Паршивый ты актёр! – косясь на разворачивающееся великолепие, выговаривал Аполлон другу. – На твоей физиономии столько брезгливости…

– Непринципиально все это! Только из-за тебя терплю…

– И из-за себя! Принсип! Что это за твердолобое и навсегда застывшее понятие? Не знаю такого! В этом мире не знаю! Принсип!.. Принцип есть, когда мешает разрушению, и его нет, когда он мешает созиданию. Во втором случае гордыня это, а гордыня, как тебе известно, – самый великий грех! А почему? Потому что это и есть проклятый ещё с незапамятных времён Господом Богом шовинизм. К тебе со всей душой! Шампанским угостили! Морду не набили, что тоже нелишнее. Везут на пикник в горный рай! А главное, мы могущественного друга приобретаем вместо врага. Да это же победа! Маленькая, но истинная. Кстати, с благословения Нюмы и стараниями моего дядюшки осуществлённая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.